

Николай Романецкий

Обреченный на любовь

Николай Романецкий
Обреченный на любовь

«Автор»

Романецкий Н. М.

Обреченный на любовь / Н. М. Романецкий — «Автор»,

© Романецкий Н. М.

© Автор

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ОБРУЧЕННЫЙ С ЖИЗНЬЮ	5
1. ВНЕДРЕНИЕ	5
2. РАЗВЛЕЧЕНИЕ	17
3. ИСКУШЕНИЕ	23
4. ОСОЗНАНИЕ	33
5. ОБРУЧЕНИЕ	42
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ОБРЫВАЮЩИЙ НИТИ	50
1. ДЕТИ «СОЛОВЬЯ»	50
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Николай Романецкий

Обреченный на любовь

Надежде за веру и любовь ПОСВЯЩАЕТСЯ

*And whoever walks a furlong without sympathy walks to his own funeral
drest in his shroud.*

Walt Whitman «Song of myself»¹

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ОБРУЧЕННЫЙ С ЖИЗНЬЮ

*Как тяжело мертвецу среди людей Живым и страстным
притворяться!*

Александр Блок «Пляски смерти»

1. ВНЕДРЕНИЕ

Все началось с того, что ему надоело просиживать штаны на заседаниях. Захотелось хоть чуть-чуть поработать с живыми людьми, а не с программами, повестками дня и лощеными чиновниками из групп проработки материалов и подготовки решений. Однако именно один из этих чиновников и подсунул ему посетительницу, когда Калинов пожелал вдруг развлечься консультациями.

Посетительница была еще вполне хороша собой. Этакая начинающая увядать красавица, в былые времена запросто сводившая парней с ума и до сих пор знающая себе цену. Время от времени она игриво проводила рукой по волосам, чисто по-женски – легко, стремительно, целенаправленно, – и сразу становилось ясно, что она и ныне еще не прочь понравиться. Но стоило ей начать говорить, как это впечатление мгновенно исчезало.

– Доктор, – говорила она дрожащим голосом. – Вы представить себе не можете, как я о нем беспокоюсь! И я бы не обратилась к вам, члену Совета Планеты, если бы...

– Извините, – сказал Калинов. – Я по-прежнему не понимаю, что вас так взволновало... Для его возраста это совершенно нормальное явление... Все очень просто! Они где-нибудь собираются, слушают музыку, решают проблемы бытия... Вы не помните, какими мы были в их годы?

Женщина смотрела на него, широко раскрыв глаза, даже кивала головой, вроде бы соглашаясь, но Калинов чувствовал, что слова, сказанные им, совершенно ее не убеждают. И было ясно видно, что, и слушая, она не перестает думать о чем-то своем.

– Нет, доктор, вы не понимаете... Вы просто не можете этого понять!.. Игорь – мой единственный ребенок, другого у меня уже не будет... Вы понимаете?.. Я все время жила его жизнью, чувствовала то, что в этот момент чувствовал он...

Ей явно надо было дать выговориться, и Калинов стал просто слушать, даже не пытаясь вставить в дамский монолог ни одной своей реплики. Он слушал, анализировал и старался сообразить, чем же он может ей помочь.

– Когда ему было плохо – было плохо и мне, – говорила она. – Когда он чему-то радовался, моя душа пела от счастья. Когда ему было больно, я корчилась от боли. – Она вдруг всхлипнула, и голос ее задрожал еще сильнее. – Совсем не-давно все изменилось... Все-все-все! Он больше

не мой... Он стал скрытен, ничего мне не рассказывает. Я не нужна ему... А совсем недавно он стал исчезать.

Она достала носовой платок и высморкалась. Калинов вытащил из бара бутылку минеральной воды, наполнил стакан. Она судорожно схватила его, поднесла трясущейся рукой к губам. Стало слышно, как часто-часто застучали о стекло зубы.

– Спасибо. – Она отпила несколько глотков и вытерла платком рот. – Вы понимаете, я боюсь... Я просто боюсь! Он уходит, и я боюсь, потому что совершенно перестала его чувствовать. Как будто между нами оборвалась какая-то нить... Вы понимаете?

Калинов кивнул.

– Я не знаю, в чем тут дело... Я не понимаю...

– Кто вы по профессии? – спросил Калинов.

– Кулинар... Но причем здесь моя профессия? Это совершенно неважно! Он исчезает, доктор, вы понимаете?!

Калинов опять кивнул. Конечно, он понимает. Разумеется, он все понимает. Да и понимать тут нечего!.. Ситуация хоть и не часто, но встречающаяся... Наверняка, не замужем... И не была. Ожегшись на молоке, дуют на воду... И вот смысл всей жизни, всего существования – сын, единственный и неповторимый, кровиночка родная, плоть от плоти, никто нам с тобой больше не нужен, нам и вдвоем хорошо, правда?.. А годы уносятся, и вот уже ошалевшая от любви мама не может заменить сыну мир. И он уходит. Они все уходят... Ничего не поделаешь: юность, как правило, бессердечна... И ничем не поможешь, потому что это жизнь... Вот только как ЕЙ все это объяснить?

– Вы напрасно волнуетесь, – сказал Калинов. – Я тоже в юности сбегал из дома. И не один раз... Мы собирались где-нибудь на Огненной Земле, жгли костер и до хрипоты спорили... Или отправлялись в Экваториальную Африку, танцевали там под палящим солнцем и целовались с девчонками звездной ночью...

Ее передернуло, и он тут же пожалел, что заикнулся о девчонках. Вот оно что!.. Материнская ревность! Самая темная ревность в мире – дитя собственнических наклонностей... Сколько же горя эта женщина может принести и себе, и сыну, и еще кому-то!.. И что же, в конце концов, делать? Не предлагать же ей сеансы эмотиотерапии, в самом деле! Это для юных, а в ее возрасте может оказаться уже и не безвредным для психики. Конечно, если бы ревность грозила сдвигами...

Он вдруг ощутил полнейшее бессилие. Это иногда случалось – правда, чрезвычайно редко, – и тогда он, один из лучших специалистов планеты, начинал жалеть, что не пошел, скажем, в кулинары. То ли дело! Никаких тебе поражений.

– Как вас зовут?

– Лидия Крылова. – Она снова всхлипнула.

– Послушайте, Лидия... Не стоит так отчаиваться. Все это пройдет, поверьте... Очень скоро пройдет. Надо только немножко потерпеть... Придет время, и ваш Игорь перестанет убегать на свою Огненную Землю. Надо только чуть-чуть потерпеть.

И побыстрее привыкнуть, добавил он про себя.

Она вдруг высокомерно глянула на него и гордо вскинула голову с шапкой разноцветных волос.

– Доктор, не надо меня учить терпению. Я начала терпеть давно, еще с тех пор, когда он в первый раз забился у меня под сердцем. – Она положила руку на грудь. – Все эти годы я терплю и жду, когда он вырастет. – Она с тоской, протяжно вздохнула. – Вот вырастет он, думала я, и обязательно сделает меня счастливой, самой счастливой на свете. Не зря же я отдала ему свою жизнь!.. Впрочем, не в этом главное. – Она махнула рукой. – Вы понимаете, в чем дело?.. – Она замялась.

– Внимательно слушаю вас, – сказал Калинов.

– Я уже говорила, что чувствую его. Так вот... Я просто уверена – да-да, уверена! – что, когда он исчезает из дому... Как бы это поточнее выразиться?.. В общем, его в это время на Земле нет.

Паркер был, как обычно, пунктуален. Он вышел из джамп-кабины ровно в пять часов вечера.

– Рад вас видеть, коллега, – прогудел он. – Очень рад!

– Давненько мы не встречались, коллега, – ответил Калинов.

Они обнялись.

– А вы почти не изменились, Алекс. – Паркер оглядел Калинова с головы до ног. – Разве седины добавилось.

– И волос поубавилось... Вы мне льстите, Дин. Хотя и говорят, что старый конь борозды не портит, но не тот уже конь, ох не тот!

Они двинулись прогулочным шагом по старинному узенькому тротуарчику. Справа, за высоким гранитным парапетом, неспешно катила серые воды Нева. У противоположного берега дрожала в воде отражениями бастиионов уверенно распластавшаяся между мостами Петропавловская крепость. Впереди, у Зимнего, змеилась очередь жаждущих попасть в волшебные залы Эрмитажа. Паркер с удовольствием вдыхал аромат красивейшего из городов Европы.

– Как моя сегодняшняя просьба? – спросил Калинов.

Паркер остановился, перевесился через парапет и посмотрел в колышущуюся воду.

– Не скрою: я удивлен, – сказал он. – Зная индекс, любой гражданин Земли способен определить адрес в течение полуминуты... – Он вдруг резко повернулся к Калинову. – Слушайте, Алекс... Может быть, вы объясните мне, чем вызвана ваша просьба?

– Конечно, Дин, конечно. – Калинов помолчал, собираясь с мыслями. – Видите ли, в чем дело... Вчера ко мне обратилась одна дама и пожаловалась, что ее сын каждый день куда-то исчезает, причем, как она сказала, его вообще в этот момент нет на Земле. Я, разумеется, счел все это чепухой, но дама эта так просила, что отказать я ей не сумел... – Калинов помялся. – Короче говоря, я подбросил ее сыну рубашку, в пуговицу которой был вмонтирован видеорекордер...

– О-о-о, коллега! – Паркер неодобрительно покачал головой.

– Да-да, – согласился Калинов. – Мои действия, разумеется, являются откровенным нарушением закона, но что мне оставалось делать?.. Она уверила, что расспрашивать сына о чем-либо совершенно бесполезно... В общем, рисковать я не стал.

– И что вам удалось подсмотреть в замочную скважину?

Калинов поморщился:

– Да ничего! После того как парень набрал индекс, сигнал рекордера исчез. Кстати, кредитной карточкой парень не пользовался.

Паркер удивленно поднял брови. Калинов продолжал:

– Он отправился из джамп-кабины около своего дома, но ни в одну из других кабин на Земле не прибыл.

– Сказки бабушки Арины, – прогудел Паркер. – И где же вы его обнаружили?

– Во Внеземелье он, кажется, тоже не появлялся: я проверял по своим каналам...

– Ничего удивительного! Туда с помощью кабины не попадешь.

– Да, я знаю... Парень вернулся через шесть часов в целости и сохранности, правда, без рубашки и, следовательно, без рекордера, но зато с вполне различимым фонарем под левым глазом. Полагаю, это доказывает, что в нуль-пространстве он не растворялся. Такой фонарь можно заработать, только находясь в контакте с физически осязаемой силой.

Губы Паркера тронула недоверчивая улыбка.

– К счастью, – продолжал Калинов, – я успел проконтролировать индекс, которым он воспользовался перед исчезновением из джамп-кабины.

– И куда вы попали?

– Увы, Дин, увы... Я сделал два десятка попыток, прошел шесть кабин, но так никуда и не попал. Сразу же загорелось табло «Вы ошиблись в наборе индекса». Тогда я сунулся к ближайшему терминалу Глобального Информационного Банка... Каково же было мое удивление, когда ГИБ заявил, что информацией об этом индексе не располагает.

Паркер пожал плечами:

– Чепуха какая-то...

– А может быть, какой-нибудь засекреченный индекс?.. Вот я и решил обратиться к вам... Как к члену Транспортной комиссии Совета.

Паркер снова неопределенно пожал плечами.

– Хорошо, – сказал он. – Ждите меня здесь.

Он зашагал к ближайшей джамп-кабине. Калинов проводил его взглядом и уселся на скамейку. Набережные были полны народа. Тысячи туристов со всех краев света, ошестившись камерами, группами бродили вокруг архитектурных чудес старинного города, обнюхивая чуть ли не каждый камень. Сердца их трепетали при мысли о том, какими шикарными голографиями украсят они стены своих коттеджей. Калинов смотрел на них с некоторым превосходством, удивляясь раздражению, которое они почему-то вызывали в его душе.

Впрочем, пусть их, сказал он себе. Пусть проводят ежегодный отпуск, как хотят, лишь бы с пользой для интеллекта. Хотя бы своего... Вот только детей с туристами почему-то крайне мало. Не любит почему-то турист своего отпрыска, с некоторых пор он стал ему в тяготу... И это тоже проблема, достойная специального исследования. Не мешало бы заняться... Как члену Социологической комиссии.

Он вдруг пожалел, что согласился помочь этой Лидии. Тоже мне, детектив на старости лет! Шерлок Холмс нашего времени... Делать ему нечего, кроме как искать великовозрастных детишек, сбежавших от любвеобильных мамаш!.. Но ведь Крылова так просила!.. Ладно. Можно хоть раз в жизни отвлечься от глобальных проблем. Скажем, в качестве отдыха... Только бы определить место, куда исчезает этот парень. Остальное – дело техники! Уж для него-то, Калинова, проблем нет. Пришел, увидел, победил – и никаких гвоздей!

Паркер вернулся через четверть часа. Он плюхнулся на скамейку рядом с Калиновым и с трудом перевел дыхание.

– Действительно, чудеса, коллега... Вашего индекса я не обнаружил.

– Как это? – удивился Калинов.

– А вот так!.. В памяти компьютеров Транспортной Системы такого индекса нет.

– Странно! Ведь я же своими глазами...

– Это еще не все! – перебил Паркер. – Дело в том, что с таким вопросом к нам уже обращались... Несколько месяцев назад в Бирмингемский Сектор явилась некая Фейбия Салливан и попросила дать ей адрес по индексу, который она нашла у своей дочери. Тамошний наш представитель сказал ей, что она что-то перепутала. Впрочем, он и сам был в этом уверен.

– Вы мне дадите адрес этой Фейбии? – спросил Калинов.

– Разумеется, коллега... Салливан наш ответ вполне удовлетворил. Похоже, с вами будет иначе, не так ли?

– Да уж конечно, Дин... Я ведь не по чужой информации работаю. Как этим индексом пользовались, я своими собственными глазами видел. Так что, сами понимаете...

Паркер тяжело вздохнул.

– Все очень просто, Алекс, – тихо сказал он. – На одном из уровней Транспортной Системы возникли неполадки. – Он поморщился. – Когда они возникли, я просто не знаю... Вероятность появления сбоя такого характера близка к нулю, и поэтому охранные автоматы на них запрограммированы не были... Одним словом, при наборе вашего индекса происходит виртуальный прокол нуль-пространства. Реального адреса у вашего индекса нет.

– Вы хотите сказать, что индекс фиктивный?

– О! – Паркер обрадовался. – Очень удачный термин! Фиктивный... Именно так – фиктивный.

– По-моему, коллега, вы упрощаете. Куда же тогда этот парень бежит по вашему фиктивному индексу?

Паркер промолчал. Замолк и Калинов, уставившись в пространство. Паркер посмотрел на него. Калинов думал.

– Контроль над ситуацией ни в коем случае не потеряю, – сказал Паркер. – И пусть вас не беспокоит то, что не известно, где находится адресат... Хотя, это, конечно, для нашей обжитой, исхоженной вдоль и поперек планеты звучит несколько фантастично.

Было видно, что Паркеру не по себе от того, что в его любимом детище произошло нечто ему непонятное.

– Все это не главное! – сказал он и тронул Калинова за локоть.

Калинов вздрогнул:

– А что тогда главное?

– А главное – то, что в наших силах закрыть этот несуществующий индекс. И ни одна живая душа никогда не сможет им воспользоваться.

– Да, – сказал Калинов. – Это в наших силах. Это всегда в наших силах. Этому мы хорошо научились!

Как просто, подумал он. Взять и закрыть!.. Ни думать, ни беспокоиться не надо... Меры приняты и, заметим, меры очень своевременные и энергичные, требующие смелых решений!.. А потом вдруг выясняется, что надо было не спешить, что надо было подумать, осмыслить проблему – да не раз – и только после этого... Видимое безделье всегда дается нам труднее, чем видимое действие: могут не так понять... И потому мы сначала делаем, а потом думаем... А потом напускаем на свои физиономии глубокомысленный туман и с утробным удовлетворением заявляем: «Не ошибается тот, кто ничего не делает!»

– Нет, Дин, – сказал он. – Закрыть – это слишком просто и слишком глупо. И уж во всяком случае, преждевременно!.. Надо сначала разобраться, что это такое и с чем его едят, а то как бы снова открывать не пришлось. В еще больших масштабах и с гораздо большим расходом энергии.

Паркер молчал. Калинов почесал кончик носа.

– Судя по вашей первой новости, этим индексом пользуется не один мой беглец, – произнес он. – А там, где человек не один, всегда есть возможность наличия организации.

– Разобраться? – Паркер словно не слышал. – А как разберешься? Разведчика внедрить? Калинов усмехнулся и встал со скамейки.

– И внедрю, – сказал он. – Мелькнула у меня одна мысль... Дисивер использовать надо. Паркер посмотрел на него с тревогой:

– Дисивер?! Но ведь его можно применять только со специального разрешения!.. А если вам откажут?

Калинов еще раз усмехнулся и сказал:

– Мне не откажут!

Фейбия Салливан оказалась сотрудницей Оксфордского университета. Работала она вместе с мужем, супруги занимались селекцией растений для создания марсианской флоры и, судя по имеющейся информации, довольно часто пропадали на четвертой планете. Сейчас оба, к счастью, находились на Земле.

Калинов встретился с Фейбией в одном из университетских кафе. Миссис Салливан оказалась миловидной сорокалетней особой, очень живой и непосредственной, по-видимому, с удовольствием знакомящейся с людьми. Однако когда она узнала о цели предстоящего разговора, энтузиазма у нее поубавилось.

– Да, я действительно интересовалась этим индексом. По возможности я стараюсь узнавать, с кем проводит время моя дочь. Правда, возможностей этих не слишком много. Мы с Вэлом так заняты!.. Вэл – это мой муж.

Калинов изобразил на физиономии заинтересованность, и Фейбия продолжала:

– Все дело в том, что мы не можем уделять нашей дочери столько внимания, сколько бы ей хотелось. Да и нам тоже... Вот и получается, что ее воспитывают, в основном, бабушки и дедушки. Видите ли, работа требует нашего систематического присутствия на Марсе... Но когда мы здесь, дочь живет с нами и мы стараемся уделять ей всяческое внимание. Правда, Вэл очень занят, да и у меня времени не так много... Но Флой всегда была очень хорошей девочкой и не доставляла нам никаких хлопот... Вот и тогда... Оказалось, я ошиблась с этим индексом...

– Простите, миссис Салливан, – перебил ее Калинов. – А как часто вы работаете на Марсе?

– Ну... – Миссис Салливан подняла глаза к потолку. – В общей сложности, наверное, месяцев пять-шесть ежегодно.

Калинов мысленно присвистнул:

– А почему бы, в таком случае, вам не переселиться туда совсем? Раз ваша работа так сильно связана с необходимостью бывать там...

Фейбия покачала головой:

– Ну что вы, сэр... Мы не хотим, чтобы наша Флой выросла марсианкой. Мы люди Земли... И потом: ведь на Марсе живут только те семьи, которые непосредственно заняты на тамошних производствах, а мы-то научные работники. Нам обязательно надо бывать на Земле, иначе мы потеряем квалификацию... Люди нашей профессии постоянно должны общаться с себе подобными – в противном случае, как говорит Вэл, «мозги разжижаются»... Знаете, обстановка, знакомства, живые контакты и все прочее...

В ее словах был свой резон, и Калинов предложил:

– А почему бы тогда вам не летать на Марс по очереди?

– О, сэр! Вэл просто не сможет без меня там работать: ведь он такой рассеянный.

Им принесли заказанный кофе. Фейбия помахала рукой какой-то дамочке, та с любопытством посмотрела на Калинова. Когда официантка удалилась, миссис Салливан произнесла, виновато глядя на собеседника:

– Я понимаю, сэр, я совершила ошибку, родив Флой. Наша с Вэлом жизнь – это наука, наука и еще раз наука... На этом поприще можно чего-либо добиться, лишь отдавая всего себя работе. Нам не стоило заводить ребенка... Но ведь я женщина, так хотелось испытать радость материнства. И потом, мы никогда дочке ни в чем не отказывали. А мои отец с матерью и родители Вэла во внучке и вовсе души не чают... Так что ей не в чем нас упрекнуть, она получила прекрасное воспитание. Образование тоже получит по полной программе... А не захочет заниматься наукой, пусть занимается чем-нибудь другим, образование в любом случае не помешает.

Не помешает, подумал Калинов. Вот только если бы образованность гарантировала счастье и если бы образование заменяло материнскую любовь.

– А в чем, собственно, дело? – спохватилась вдруг миссис Салливан. – Моя дочь что-нибудь натворила? Флой – очень воспитанная девочка...

– Нет, все в порядке. – Калинов окрасил реплику маленькой толикой равнодушия – так, чтобы не было нарочитости. – Просто я интересуюсь этим индексом... В джамп-связи были кое-какие неполадки – ничего опасного, но на всякий случай мы проверяем.

Его тон сыграл свою роль: Фейбия тут же успокоилась.

– Я пыталась тогда воспользоваться этим индексом, но никуда не попала. Загоралось предупреждение о неправильном наборе индекса и все. Я обратилась в местное бюро Транспортной Комиссии. Они заявили, что такого индекса не существует. На этом все и закончилось.

Калинов решил не продолжать дальнейших расспросов, рассыпался в благодарностях и попрощался. Все равно эта горе-мамаша больше ничего не знает. Во всяком случае, такое складывается впечатление. Можно, конечно, попытаться побеседовать с самой Флоренс Салливан... Но если Флоренс не дура, беседа вряд ли принесет ему дополнительные сведения. Ясно пока вот что: двое подростков из тех семей, которые называют «дисгармоничными», имеют отношение к одному и тому же индексу джамп-связи. Под этот индекс и нужно копать.

А вот портрет Флоренс надо будет в ГИБе запросить. Чем черт не шутит, вдруг пригодится?

Честно говоря, нынешнее поколение молодых Калинову нравилось не очень. Какие-то они были ненормальные, равнодушные, словно и не жили в этом мире, а наблюдали за ним со стороны.

Он попытался вспомнить, каков сам был в их годы. Внешность того Калинова он, слава Богу, помнил, да и на видеокристаллах она увековечена. А вот внутреннее, так сказать, содержание... Нельзя утверждать, что это для него темный лес, нет, события, происходившие с ним в те годы, он помнил хорошо, но вот настроение, с которым он тогда переживал эти события, состояние души Калинова-подростка, этакий «аромат жизни», как его называл Калинов-сегодняшний, был давно уже заслонен более поздними страницами биографии. Хотя нет, «аромат» одного события – встречи с Наташкой – он помнил и сейчас, как будто и не прошло с тех пор восемь десятков лет. Наташка-то была бой-девка, и ему немало сил пришлось затратить, чтобы привлечь к себе ее внимание, тем более что сам он в те годы был «мальчик нежный кудрявый», наедине с девчонками чувствовал себя, как в открытом космосе без скафандра, и поведение его в таких случаях соответствовало принципу «и хочется, и колется»... Но вот в отношении с Наташкой он нашел в себе силы нырнуть, как в ледяную воду – зажмурившись и не раздумывая. И не проиграл... Впрочем, ладно, зачем беречь душу? Прошлого не вернешь!

Он побродил немного по полуторатысячелетнему городу и вернулся в Питер.

Сделав шаг вперед, Калинов зажмурился. После серого тумана, только что плотной пеленой висевшего вокруг, солнечный свет был резок и неприятен. Когда глаза привыкли, Калинов огляделся.

Он стоял посреди огромного луга, усыпанного яркими цветами. Цветы были незнакомые. Мимо прошелестела большущая стрекоза. Калинов не был специалистом по энтомологии, но готов был биться об заклад, что на Земле он таких стрекоз не встречал.

На лугу группами располагались молодые люди. Одни сидели и разговаривали друг с другом, другие лежали, третьи танцевали. Головы танцующих украшали обручи с кристаллофонами.

Вдали, у самого горизонта, виднелись темно-зеленые купы каких-то деревьев. Слева, метрах в двухстах от Калинова, раскинулось слепящее зеркало небольшого озерца. Легкий ветерок доносил оттуда веселый девчачий смех и визг. Видимо, там купались. Над озером висело синее солнце.

– Ты кто?.. Новенький?

Калинов стремительно обернулся. Сзади стояла юная девушка. Худенькая – кожа да кости. Но хорошенькая... На лице никаких следов макияжа. И правильно – макияж только отвлекал бы внимание от ее глаз. А глаза были замечательные – большие и редкого, изумрудного цвета. Длинные выющиеся рыжеватые волосы – похоже, натуральные. Открытое зеленое платье, без прозрачных вставок, облегает чуть намеченную грудь.

– Ты новенький? – повторила незнакомка. – Что-то я тебя здесь раньше не видела.

– Верно, – согласился Калинов. – Я тут в первый раз.

– А как тебя зовут? – спросила девушка. – Меня Вита.

– А меня Саша. – Калинов церемонно поклонился.

Зеленые глаза смотрели не мигая. И присутствовало в них нечто такое, от чего у Калинова возникло острое желание погладить девушку по голове.

– Зачем ты к нам пришел?

Калинов слегка опешил, настолько в лоб был задан вопрос. И что-то было нужно отвечать.

– А зачем к вам приходят? – спросил он.

Вита вздохнула.

– Кто зачем. – Она печально улыбнулась. – Одни приходят потанцевать, другие – покупаться. Или просто поговорить...

– А разве потанцевать нельзя дома? – спросил Калинов.

– Конечно, можно... Только здесь гораздо интереснее!

– Почему?

Девушка снова улыбнулась, на этот раз без печали.

– Потому, – сказала она. – Скоро узнаешь... Пойдем погуляем в лесу?

Прямо вот так, сразу подумал Калинов и с сомнением посмотрел на далекие купы деревьев. Синее солнышко палило нещадно, и тащиться под его лучами по открытому пространству совершенно не хотелось.

– Жарко, – сказал он Вите. – Пока дойдем, расплавимся.

Вита расхохоталась. Словно колокольчики зазвенели.

– Чудак! – сказала она сквозь смех. – Ты же ничего не знаешь... Давай вместе.

Она взяла его за руку теплой ладошкой, и Калинов содрогнулся. Оказалось, все, что он помнил, он помнил неправильно. Нечто давным-давно забытое, потерянное в череде прожитых лет, пронзило его сердце, и оно вдруг споткнулось, заныло от тихой боли, переполнилось сладкой тоской, и внезапно захотелось заплакать, заплакать так, чтобы мир захлебнулся в его слезах. И чтобы из этого соленого безбрежного моря родилось что-то новое, до жути юное, кристально-чистое...

На Калинова обрушился ураганный ветер, промелькнули неясные серые тени, и Калинов обнаружил себя стоящим в лесу среди огромных – ствол в три обхвата – деревьев. Вита была рядом и по-прежнему держала его за руку. Изумрудные глазищи ее сияли.

– Испугался?

– Что произошло? – спросил Калинов.

– Ничего... Ведь мы с тобой хотели в лес. Смотри, какой страшный лес вокруг! Ты в такой хотел?

– Разве он страшный? – удивился Калинов. – Вполне ухоженный, я бы даже сказал, домашний лес. Как парк...

Вита выпустила его руку из своей.

– Как по-дурацки ты говоришь! – сказала она с отвращением. – Моя мама таким тоном говорит, когда меня воспитывает... Ой! Смотри, что за чудо-дерево! Как сказочный дракон, правда?

Калинов оглянулся. Там, где мгновение назад стоял великолепный, рвущийся в небо кедр, извивалось зеленое, непонятное, покрытое странной стеклообразной чешуей. Среди зелени сверкнула ярко-красная пасть, и послышалось змеиное шипение.

Вокруг все изменилось. Не было больше привычных глазу кедров, сосен и елей. Повсюду кривыми стрелами лезли из земли незнакомые черные деревья с серой листвой. Словно скелеты доисторических ящеров на раскопанном кладбище под Минусинском... Они окружили Калинова со всех сторон, над ними нависло чернильное небо, и было совершенно непонятно, откуда же берется в лесу этот сумрачный, тоскливо-серый, но все-таки дневной свет.

Мир наполнился оглушительным рычанием и грохотом. В этом невероятном шуме сквозило нечто явно знакомое, и Калинов вдруг понял, что это пропущенный через гигантский усилитель стрекот видеорекордера, вделанного в пуговицу его рубашки, и испугался, что Вита сейчас тоже поймет это. И тут же грохот исчез. Наступила пронзительная, бьющая по ушам тишина; в тишине этой весело зазвенели хрустальные колокольчики, и девичий голос пропел:

– Догоняй!

Калинов обернулся. Виты не было, только где-то вдалеке, за этими черными фантазмагорическими деревьями-скелетами медленно таял ее смех. Калинов бросился туда, где растворился звон колокольчиков, и тут впереди, в пяти шагах от него, со свистом вонзилась в землю полуметровая стрела. Калинов замер, и, ничего не понимая, смотрел, как вибрирует ее оперение.

– Стоять, малыш! – произнес справа чей-то тихий голос.

Калинов медленно повернул голову. За огромным дубом стоял парень в джинсах и безрукавке. Это был Игорь, сын Лидии Крыловой. Он двинулся к Калинову, держа наготове заряженный арбалет. Левый глаз парня украшал солидный синяк.

Вокруг снова был обычный земной лес. И голоса птиц, разносившиеся по лесу, были знакомы с детства. Только солнце, лучи которого с трудом пробивались сквозь плотные кроны деревьев, имело густо-оранжевый цвет. Как апельсин.

Крылов приблизился. Держа арбалет наготове, выдернул из земли стрелу и сунул ее в колчан, висящий за спиной.

– Чего тебе надо? – спросил Калинов.

– Какой шустрый мальчик! – произнес Крылов. В голосе его послышалась издевка. – Не успел появиться, а уже к девочке прислоняется. К чужой, между прочим, девочке!..

Калинов, придя в себя, стоял и молчал. Любопытно, подумал он. Ладно, сделаем вид, что мы принимаем ситуацию всерьез. Сделаем вид, что мы испугались... А теперь сделаем вид, будто ждем, пока он подойдет поближе и его можно будет достать одним прыжком.

Но Крылов ближе не подходил. Да и арбалет был направлен в грудь Калинова недвусмысленно.

– Откуда тебе известно, что я появился здесь только что? – спросил Калинов.

Крылов расхохотался:

– А чего тут знать?.. Иначе бы девочка от тебя не убежала. Я бы, например, догнал ее в два счета... Да по тебе же сразу видно, что ты тут в первый раз. Как ты озираешься по сторонам!.. Потеха же!

Калинов переступил с ноги на ногу, и Крылов резко дернул арбалетом.

– Стоять! – прошипел он. – А то могу и...

– Почему же ты ее не догоняешь? – спросил Калинов. – Если это так просто...

– Была нужда... Я гордый! И потом... Хочу понять, что она в тебе нашла. Хлюпик хлюпиком...

Последнюю фразу Крылов произнес спокойно, голос его был бархатист и ровен, как ночное пасмурное небо. Но Калинов чувствовал, что где-то там, за сплошным облачным покровом, где всегда светят звезды и как правило сияет луна, уже растет еле сдерживаемое рыдание. Чем-то этот парень напоминал несчастного голодного вислоухого кутенка. И Калинову захотелось ласково погладить кудлатую лобастую головенку. Или хотя бы надрать щенку уши.

Калинов мотнул головой: мысль явно принадлежала Калинову-вчерашнему – члену Совета Планеты и всяческих там комиссий. Но, откровенно говоря, и Калинову-подростку так стоять должно быть очень унижительно.

– По-твоему, это честно? – спросил он. – Ты с оружием, я – без...

– То-то и оно, – прошептал Крылов. – Кабы ты был здесь не впервые, и у тебя было бы оружие. А насчет честности... Разве гулять с чужими девчонками – это честно?

Калинов пожал плечами. В последний раз он гулял с чужой девчонкой лет восемьдесят назад.

– Послушай, Игорь, – сказал он. – Я бы...

Он замолк: Крылов мгновенно весь подобрался и стал очень похож на испуганного съевшегося зверька.

– Откуда ты знаешь мое имя? – шепотом спросил он. – Шпионишь?.. Тебя подослала моя мать?

Он быстро оглянулся по сторонам, словно ждал, что мать, грозя пальцем, выйдет сейчас из-за ближайшего дерева. Все было тихо. Крылов снова посмотрел на Калинова. В глазах его появился странный блеск.

– Вообще-то у нас здесь не убивают, – сказал он. – Но ведь со шпионами во все века поступали именно так!

Он поднял арбалет на уровень груди, и Калинов понял, что сейчас, через мгновение, тяжелая стрела пронзит его сердце, и мысль о смерти показалась ему такой нелепой, что он удивился. Неужели это серьезно, подумал он, а в горле уже рождался крик, потому что он увидел, как стрела сходит с ложа арбалета и отправляется в смертоносный полет. Но тут кругом возник серый туман; он не поднялся от земли и не выплыл из-за деревьев, а именно возник, неожиданно и сразу, не клубясь и не сгущаясь, и не успел Калинов обрадоваться ему, потому что в тумане этом было его спасение, как тот исчез, исчез так же внезапно, как и появился. А Калинов обнаружил себя стоящим в джамп-кабине.

На пульте подмигивал красным сигналом «Вы ошиблись в наборе индекса». Калинов вывалился из кабины на улицу. На небе светило солнце, и было оно не синее и не оранжевое, а обычное, земное, и небо было земное, и вокруг стояли знакомые питерские дома, и стремился перепрыгнуть через Неву Медный всадник.

– Мальчик! Что с тобой?

Кто-то положил Калинову руку на плечо. Он оглянулся. Рядом стояла Лидия Крылова.

– Н-ничего, – пробормотал Калинов и попятился. Сбросил с плеча ее руку.

– Мальчик, подожди, – умоляюще попросила она. – Ты не знаком, случайно, с Игорем Крыловым?

– Н-нет! – Калинов бросился бежать.

– Мальчик, подожди-и-и! – догнал его надрывный крик, но Калинов бежал и бежал, пытаясь уйти от этого крика, и оглянулся только около угла.

Крылова, опустив голову, медленно брела обратно, к дверям джамп-кабины.

– Рад вас видеть, коллега, в добром здравии! – сказал Паркер, усаживаясь в кресло.

Калинов достал из бара соки и лед и принялся сооружать себе и гостю коктейль.

– Внешний вид у вас – не подкопаешься! – продолжал Паркер, наблюдая за его манипуляциями. – Лишь очень опытный специалист смог бы заметить некоторое несоответствие между юным телом и глазами, принадлежащими немолодому уже человеку.

Калинов посмотрел в зеркало, вделанное в панель бара.

– Не вижу никакого несоответствия, – сказал он, пристально вглядываясь в свое отражение. – Вполне приличный молодой человек. Ничего похожего на члена Совета.

Он протянул Паркеру стакан со светло-зеленой жидкостью. Тот заглянул в стакан, зачем-то понюхал содержимое.

– Судя по всему, коллега, вы ничего не добились, – сказал он.

Калинов слегка пожал плечами и тоже заглянул в стакан:

– Вы эту информацию выудили из коктейля?

Паркер фыркнул и отхлебнул, зажмурив от удовольствия глаза, посмаковал напиток.

– Нет, – сказал он. – Но ведь я прав, не так ли?

Калинов тяжело вздохнул.

– Действительно. – Он уселся напротив Паркера. – Вы правы, коллега!.. Первая вылазка действительно мало что дала... Чертовщина какая-то. Мир, как в театре!.. Мгновенно меняющиеся декорации... Дракон в таинственном лесу... Принцесса с хрустальным голосом... Вооруженный арбалетом рыцарь в джинсах... Солнце то синее, то оранжевое. В самом деле, сказки какие-то!

– Сказки бабушки Арины! – проговорил Паркер. – Может быть, видения? Дрим-генератор, например. Или нанюхались галлюциноидов...

– В таком случае мой рекордер тоже нанюхался, – сказал Калинов. – Я вам покажу запись. Натура полнейшая!

Он достал видеорекордер, отдал его Паркеру и вышел на балкон. Сам он просмотрел запись до прихода Паркера раз пять и заметить что-либо новое был уже не способен.

Над городом распростерлась черная августовская ночь. Окна домов были заэкранированы и не пропускали изнутри ни одного лучика света. Только глубоко внизу горели уличные фонари, да у самого горизонта сияли подсвеченные сотнями прожекторов купол Исаакиевского собора и шпиль Адмиралтейства.

Калинов пытался проанализировать события сегодняшнего дня, но ничего из этого не получалось, потому что мысли все время возвращались к Лидии Крыловой и ее сыну. Каким образом эта женщина умудрилась так воспитать своего сына? Ведь он явно был готов на убийство!.. Или показалось?.. И уж совершенно непонятно, как удалось спастись... Словно кто-то следил за ними и в последний момент сыграл отбой... Но каков малец! Откуда у него столько злобы?.. А Вита хороша! У него самого могла бы быть такая внучка, не погибни Наташка тогда, в проклятом Кольце астероидов...

Калинову стало вдруг нестерпимо грустно и захотелось, чтобы поскорее наступило завтрашнее утро. Грусть была особая, не та, с которой он обычно вспоминал о прожитой жизни. Были в этой грусти какая-то свежесть, новизна какая-то и ожидание неизвестного. И очень-очень хотелось снова отправиться туда, в этот странный сказочный мир.

Позади с шорохом открылась дверь, и он увидел рядом с собой силуэт Паркера.

– Да, коллега, – сказал Паркер. – Действительно, спектакль для детей школьного возраста. Зацепиться не за что...

– Похоже только, что взрослым на эту сцену вход запрещен. Во всяком случае, без дисивера... Неясно, правда, кто наложил сей запрет и с какой целью.

– Может быть, некая сверхцивилизация ставит эксперименты на наших детях? – предположил Паркер.

Калинов усмехнулся:

– Ну уж тогда бы меня туда и с дисивером не пустили.

– Да что вы! – воскликнул Паркер. – Не могут же они следить за каждым землянином!

– Вы думаете, не могут?

– Ну, я не знаю... Как-то это все...

Калинов промолчал. Замолчал и Паркер, боясь прервать размышления товарища. Наконец он не выдержал:

– Вы, что же, коллега, и в самом деле думаете?..

И тут Калинов рассмеялся:

– Да нет, разумеется. Чепуха все!.. История эта наша, внутренняя, безо всякого вмешательства извне. Уверен в этом! Не знаю – почему, но уверен.

Паркер с шумом перевел дух.

– Ох, и зигзаги у вас, дружище! – сказал он. И добавил: – Однако то, что ваша вылазка не дала результатов – это плохо! Гадать остается...

– Не спешите, коллега. Будут вам через некоторое время и результаты. Не все сразу.

И тогда Паркер решил.

– Видите ли, Алекс, – сказал он. – Дело в том, что обстоятельства изменились. Сегодня Лидия Крылова обратилась к нам в Транспортную комиссию с просьбой помочь ей найти сына.

Калинов опять промолчал, словно не слыша.

– Послушайте, коллега, – сказал, не дождавшись ответа, Паркер. – Не нужна ли вам помощь? Я бы мог...

Калинов нашел в темноте руку Паркера и пожал ее.

– Не стоит, Дин... У меня юношеское рукопожатие и юношеское на вид тело, но ум-то далеко не юношеский. Так что помощь мне не требуется. Пока... Будет нужно – конечно, попрошу... Хотя знаете... Кое-что вы для меня сделать можете.

– Что именно, коллега? – живо спросил Паркер.

– Мало ли как дела повернутся... – Калинов замялся. – Одним словом, если вдруг примут решение закрыть индекс... Без меня примут, понимаете?... Так вот, постарайтесь его сорвать!.. Я уже говорил, что закрывать – это самое глупое, что можно в таких случаях придумать.

Теперь Паркер пожал руку Калинова:

– Это я вам обещаю. Можете не волноваться!

2. РАЗВЛЕЧЕНИЕ

Вита явно ждала его. Не случайно же, в самом деле, он сразу увидел ее, как только переместился из джамп-кабины в этот мир. Она вскочила на ноги и бросилась ему навстречу, на бегу отряхивая юбку.

– Здравствуй, – сказала она. – Я думала, ты больше не появишься.

– Здравствуй, – ответил Калинов. – Почему?

– Ты же вчера убежал. Зяблик достал тебя.

– Кто? – не понял Калинов.

– Ну, тот парень с арбалетом... в лесу... Игорь Крылов. Мы зовем его Зябликом... Мне же все известно о вашей встрече.

– А-а-а? – Калинов рассмеялся. – Только ведь это не я убежал, а ты.

Она удивилась:

– Разве?... Никуда я не убегала. Я весь день тут была.

Она взяла его за руку, и Калинова опять кольнуло в сердце. Словно пронзила стрела, от которой удалось вчера скрыться.

– А на Зяблика ты не обижайся, – сказала Вита. – Он хороший. Только стал какой-то малахольный. Ходит, молчит...

Вчера он мне таким не показался, подумал Калинов. Вчера он был не зяблик, а дикий кабан. Ревность, знаете ли, не мама родная...

– Пошли к ребятам! – Вита потащила его за собой. – Сейчас как раз дэй-дримы начнем придумывать.

– Как это?

– Увидишь.

На лугу собралось человек тридцать парней и девчонок в разноцветных одеждах. Сидели кружком. В центре горел почти незаметный в солнечном свете костер. Калинов посмотрел на небо. Сегодня солнце было обычным.

Когда они с Витой приблизились, кружок потеснился и вобрал их в себя. На Калинова особого внимания не обратили, только несколько девчонок пристально посмотрели на него и отвернулись. Видимо, появление новых людей было здесь делом обыкновенным. Или незнакомый человек был всем, на самом деле, знаком...

– Не удивляйся, – прошептала ему на ухо Вита. Ее волосы щекотнули щеку. – Ведь тебе не хочется, чтобы на тебя обращали внимание.

– С чего ты взяла? – поразился Калинов.

– Мне так кажется.

Однако, сказал себе Калинов. Может, она еще и мысли читает?... Может, на нее и дисивер не действует?

Он огляделся. Все сидящие в круге были молодыми людьми примерно одинакового возраста – лет шестнадцати-восемнадцати. Парни были одеты разнообразно – от сетчатых комбинезонов до легких туник, на девчонках – короткие открытые непрозрачные сарафаны. Никто друг с другом не разговаривал, все молча уставились в костер, словно там что-то происходило. Наверное, искали саламандр...

– Не вертись! – прошептала Вита. – Ты всем мешаешь!

– А что они делают?

– Потом расскажу...

Калинов тоже стал смотреть в костер. Но сколько он туда ни смотрел, ничего особенного там не увидел. Обычные горящие сучья, блеклые языки пламени, взметающиеся искры.

Вдруг все зашевелились, заговорили. Сидящий напротив Игорь Крылов кивнул Калинову, как старому знакомому. Сегодня он не казался таким злым и противным, как вчера в лесу.

– Что? – шепотом спросил Калинов у Виты.

Вита рассмеялась, и вновь зазвенели хрустальные колокольчики.

– Можно говорить громко, – сказала она. – Больше никому не помешаешь.

– А что было?

– Мы придумали дэй-дрим.

– И что теперь?

– Увидишь!.. Какой ты нетерпеливый!

– А я хотел охоту на тиранозавра, – громко сказал высокий белобрысый юнец, одетый в тигровую шкуру. – Представляете, море крови!

– Тебе бы везде море крови, – сказала Вита. – Дай волю, ты бы весь мир в море крови превратил.

– Брось ты с ним, Витяшка, – сказала невысокая черноволосая девушка.

– Его дэй-дрим еще никогда не выигрывал.

Белобрысый прищурился.

– А я не теряю надежды, голубушки, – сказал он надменно. – Рано или поздно это произойдет.

– К сожалению, Аля, он прав, – сказала Вита маленькой брюнетке. – И когда это произойдет, я уйду и больше не вернусь. Уж лучше сидеть дома!..

Белобрысый сжал кулаки.

– Вот и катись домой! – зло крикнул он. – Пусть тебе мамочка розовым платочком сопلي вытрет, лахудра рыжая! А мы уж как-нибудь без тебя, по-мужски...

– Сидел бы ты, мужчина! – сказал Калинов. – Научись сначала женщин уважать... «Мы»... «по-мужски»... Тоже мне, витязь в тигровой шкуре!

Белобрысый стремительно вскочил на ноги. Калинов усмехнулся и тоже поднялся с травы.

– Это еще кто тут голос подает? – сказал белобрысый. – Кому надоело ходить здоровым и невредимым? – Он смерил Калинова с ног до головы уничтожающим взглядом. – Детка, я же из тебя киселек сделаю, с хлебушком скушаю. – Он подошел к Калинову, навис над ним и брезгливо взял его двумя пальцами за кончик носа. – Остынь, мальчик, а то сейчас пар сзади повалит!..

И тут Калинов ударил его, ударил коротко, без замаха, даже не ударил – ткнул ладонью правой руки, и белобрысый вдруг переломился пополам, словно сдвинули друг к другу ножки циркуля, и повалился на бок. На лице у него появилось выражение неподдельного изумления, глаза закрылись. Как будто человек прилег на минутку отдохнуть.

– Ты убил его? – с испугом воскликнула черненькая Аля.

– Да нет, – сказал Калинов. – Таким ударом не убьешь... Так, успокоил слегка. – Он коротко взглянул на Виту.

Вита презрительно смотрела на лежащего белобрысого.

– Не хочу я его здесь больше видеть, – сказала она с отвращением и вопросительно посмотрела на окружающих.

И вдруг белобрысый исчез, словно его здесь и не было. Только послышался негромкий шелест, будто ветерок кубарем прокатился по травке. Калинов застыл.

– Спасибо, друзья! – Вита потеряла пальцами виски.

– Не за что, – сказал курчавый парень в тунике и сандалиях. – По-моему, этот тип и так уж всем надоел. Стоило его еще раньше выставить.

– Он подошел к Калинову и потрепал его по плечу. – А ты ничего, новенький! Эко ты его! Я бы с тобой в разведку пошел... Клод. – Он подал Калинову руку.

– Саша, – сказал Калинов. – Куда он делся?

– Вампир-то?.. Отправился домой. Больше он не появится. По крайней мере, пока мы здесь.

И тут вдруг затрещало, как будто кто-то быстро-быстро заколотил палкой по дереву. Калинова сбили с ног, он сунулся носом в траву и чуть не захлебнулся, вздохнув, потому что вместо травы под ним оказалась грязь, какая-то липкая жижа, и от жижи этой так отвратительно пахло, что его чуть не стошнило. И солнца уже не было на небе, а была черная беззвездная ночь, и сверху сеялся мелкий холодный дождик, мгновенно пробравшийся за воротник кольчуги и растекшийся по спине маленькими ручейками, а может, это был и не дождь вовсе, а холодный пот, потому что, кажется, их все-таки ждали. Во всяком случае, круглые пальцы прожекторов плясали по равнине, и каждый раз, когда они приближались, приходилось въезжать носом в вонючую грязь. И не шевелиться.

А потом опять затрещало, и высоко над головами визгливо прочирикали пули. Стреляли с вышки, которая приткнулась к колючей проволоке справа, приземистая и раскоряченная, словно табуретка на кривых ножках. Самонадеянные строители поставили ее по эту сторону ограждения... Впрочем, с какой стати они должны были опасаться нападения извне?

– Замерите! – негромко скомандовал Клод.

Они замерли. И, лежа в липкой жиже, дождались, пока успокоится охрана. Пулеметчики перестали палить в белый свет. Лучи прожекторов поплясали-поплясали, тупо уткнулись в тяжелый столб дыма, повисший над крематорием, и погасли. Где-то коротко твякнула собака. От сторожевой вышки донеслись звуки волынки, наигрывающей какой-то до одурения знакомый, но неузнаваемый мотив. Ветер принес издалека обрывки заунывного колокольного звона.

На вышке вдруг загоготали, и грубый голос прошелся насчет штанов какого-то Диего, которые теперь, кажется, потребуют основательной стирки... Тоже мне, доблестный лейб-гвардеец, переполошил весь лагерь, где только таких нарожали, ублюдков?.. Хорошо, что комендант нализался, как свинья, и дрыхнет, и будет дрыхнуть до утра, а то не избежать бы тебе, тварь болотная, карцера в половину роста...

– Вперед! – шепотом скомандовал Клод.

Они поползли. Каждый к своей цели. Калинов к сторожевой вышке справа, Игорь – к такой же вышке – слева. Клод, Вита и Аля тянули мешок с зарядами, чтобы несколькими взрывами пробить проход в рядах колючей проволоки. За ними подтягивались арбалетчики, чтобы, когда грохнут взрывы и пулеметы будут нейтрализованы, рвануться в проход и успеть добежать до казармы прежде, чем гвардейцы успеют прийти в себя. И быстро и хладнокровно засыпать их стрелами...

А оставшихся в живых офицеров, думал Калинов, мы повесим в воротах лагеря – прямо под транспарантом «Боже! Прости нам грехи наши!», – и они будут болтаться в веревочных петлях, которые они приготовили для нас, жирные борова в оранжевых мундирах, густо пахнущие заморским одеколоном, а мы с удовлетворением будем думать о том, что этим, по крайней мере, грешить уже не доведется... Вот только куда мы денем всю эту ораву освобожденных уродов в истлевших комбинезонах? Куда мы денем всех гниющих заживо, слепых от радиационных ожогов полутрупов, подумал он и тут же отбросил эту мысль, потому что мысль была не из тех, с которыми ходят на колючую проволоку.

Он подобрался к самому основанию вышки, осторожно встал, чтобы проще было бросать, и достал гранату из кармана. Осталось выдернуть чеку и, дождавшись сигнала, швырнуть гранату туда, наверх, в подарок Диего, сидевшему в испачканных штанах, и неведомому музыканту с грубым голосом. И тут кто-то сказал сзади вкрадчиво: «Салют, деточка!», и сквозь кольчугу Калинов почувствовал, как в спину ему уперлось что-то твердое. Раздался громкий

смех, и опять вспыхнули прожекторы, заливая все вокруг ослепительным светом. Как на стадионе. И Калинов понял, что их действительно ждали. Он сжался, соображая, как бы подороже продать жизнь, но тут сзади закричала Вита, и столько муки было в ее голосе, что он на мгновение потерял голову.

А потом со стороны оврага, где сидели ребята из резерва, вдруг ударила молния, ударила прямо по вышке над ним, и вышка вспыхнула как порох, и в огне кто-то завыл и завизжал нечеловеческим голосом, а молния уже ударила по другой вышке, мимоходом срезала кусок проволочной изгороди вместе с железобетонным столбом, и теперь гасила – один за другим – прожекторы. И тут Калинов понял, что это луч лайтинга, и оглянулся, и увидел, что тот, кто сказал ему «Салют!», тоже смотрит в сторону оврага, на эту удивительную молнию. И тогда Калинов ударил его гранатой прямо в висок. Гвардеец удивленно хрюкнул и кулем упал под ноги. Конечности его судорожно задергались, он перевернулся на спину и замер, и Калинов увидел в свете последнего прожектора лицо белобрысого Вампира с широко открытыми мертвыми глазами. А к прожектору уже подбирался луч лайтинга, по дороге сваливший трубу крематория, и она, подрубленная под основание, неторопливо, как в рапид-съемке, рушилась вниз, рассыпаясь на куски. Наверху взвыли в последний раз и замолкли, только что-то чавкало и хлюпало, словно там топили на сковородке свиное сало. И тогда, по-прежнему сжимая в правой руке гранату, а левой доставая из-за спины арбалет, Калинов бросился к проходу в колючей проволоке.

– А-а-а! – надсадно заорал он. – Грехи вам простить?!

Ослепительная молния ударила прямо в казарму, на месте ее вспух огненный шар, и внутри шара тоже выли, заходясь от муки, десятки глоток.

– Я прощу вам грехи! – рычал Калинов, летя вперед.

Ему показалось, что сердце его не выдержит натиска ненависти и взорвется, разлетится на десятки пылающих кусков, но сейчас это было совершенно неважно.

А потом они выстроили оставшихся в живых ошалелых гвардейцев в шеренгу. И пока узников выводили из лагеря, Калинов ходил вдоль шеренги, отбирал у гвардейцев шпаги и заглядывал им в глаза, пытаясь увидеть в их глубине что-нибудь звериное. Но это были обычные человеческие глаза, только отупелые от страха.

И вот тут Калинову захотелось посмотреть на их сердца. Не может быть, чтобы у них в груди бились обыкновенные человеческие сердца...

– Ай, мамочка! – вскрикнула Аля.

И Калинов увидел черный зрачок пистолета, нацеленный ему в голову, и прищуренные глаза жирного борова, устремленные прямо на его переносицу: видимо, туда должна была попасть пуля.

Хриплый голос проскрипел:

– Не двигаться!.. Иначе я раскрою череп вашему приятелю!

Никто и не двинулся. Но оранжевый вдруг крутнул головой, как будто воротничок форменной рубашки жал ему шею, вскрикнул и, выронив пистолет, ничком упал на плац.

А мимо, спотыкаясь, брели уроды в истлевших комбинезонах; те, кто был зрячим, ненавидяще смотрели на гвардейцев, и слышался мерный стук деревянных башмаков, а над всей этой бесконечной, вызывающей тошноту колонной висел гул, как будто узники пели песню. Но они не пели, они плакали, и девчонки рыдали вместе с ними, и оказалось, что это большое счастье – принести свободу истерзанным людям. А потом Вита взяла чей-то лайтинг, сдвинула предохранитель, и Калинов понял, что она сейчас положит оранжевых, всю шеренгу, хладнокровно, в упор и, оцепенев от ненависти, будет смотреть, как они издыхают, булькая кипящей кровью. Над миром повиснет смрад, а Вита будет смотреть и смотреть, не имея сил оторваться, тупо и замороженно, до тех пор, пока с ней не начнется истерика...

– Стоп! – крикнул Клод.

И все исчезло: колючая проволока и бараки, гвардейцы и уроды. Остались лишь пот, ненависть и счастье.

Вита с возмущением смотрела на Клода:

– Почему?

– Потому! – отрезал Клод. – Потому что с лайтингом и дурак сможет... Безоружных положить или взглядом убить много ума не требуется. А ты попробуй, разоружи врага голыми руками, да так, чтобы он не успел убить ни тебя, ни твоего товарища.

– Нет, Клод! – загомонили все. – Это ты, Клод, зря. Ведь интерес был... Был ведь?

– Был, – сказал Клод. – Но дэй-дримерам тоже надо оставаться людьми.

– Он повернулся к Калинову. – А ты ничего, парень. Я думаю, мы его примем. Так, ребята?

– Так! – заорали кругом.

А Калинов вдруг обнаружил еще одно знакомое лицо. Появившаяся откуда-то Флоренс Салливан спрашивала окружающих:

– Чей это дэй-дрим?

– Не знаем, – отвечали ей.

– Здорово было! Жаль, я опоздала...

Ах, мерзавцы, подумал Калинов. Это же у них игра такие... «Казаков-разбойников» устроили... Развлекаются, подлецы! И я тоже хорош, нечего сказать! Втянулся как мальчишка... Надо бы их вернуть к действительности.

Клод подошел к нему и протянул руку. И тогда Калинов, размахнувшись, влепил ему пощечину.

– За что? – жалобно спросил Клод.

– За все! – ответил Калинов и влепил еще раз. – Как так можно? Ведь это... Ведь это... – Он судорожно искал, чем их зацепить. И, кажется, нашел: – Это же как «казаки-разбойники» на братской могиле!.. Можешь врезать и мне заодно!

Лицо Клода залила краска.

– Ай да мы, – сказал он. – Кому пришел в голову этот дэй-дрим?

– Мне. – Крылов по-школьному поднял руку. – Мой предок во времена Великих Религиозных войн освобождал лагерь, в котором муслимы² держали христиан.

– Тебе бы тоже не мешало отвесить... Да ладно уж, хватит на сегодня тумачков. – Он миролюбиво хлопнул Калинова по плечу. – А ты ничего! – И засмеялся: – В который уж раз говорю это сегодня.

Калинов пожал плечами, понимающе улыбнулся.

– Давайте еще какой-нибудь дэй-дрим, – предложила Аля.

– Нет, Алла, – сказал Клод. – Больше мне не хочется. Сегодня не стоит... Пойдем, Зяблик, поваляемся на пляже.

Группа рассыпалась. Кто-то потянулся вслед за Клодом и Игорем, кто-то разлегся на травке в тени деревьев. Флоренс Салливан, пристально посмотрев на Калинова и немного удивив его таким взглядом, побежала на пляж.

– Ты остаешься? – спросила Алла Виту. – А я пойду, позагораю с ребятами.

И она умчалась к озеру, на ходу сдергивая с себя сарафан. Калинов с удовольствием проводил глазами хорошенькую фигурку. Вита фыркнула.

– Что? – Калинов повернулся к ней.

– Самая красивая девушка у нас, – сказала Вита, глядя вслед удаляющейся Алле. – Хороша, правда? И богата... Ты где живешь?

– В Питере.

---

² muslim (англ.) – мусульманин

– В Санкт-Петербурге? В России?

– Да.

– И я тоже... Вообще-то в Мире мы не встречаемся. Но с тобой... – Она умолкла и отвернулась.

– В мире? – спросил Калинов. – В каком мире?

– В Мире. С большой буквы... Так мы называем настоящую жизнь. Землю...

Калинов снял с себя куртку и бросил на траву. Лег. Вита без церемоний пристроилась рядом.

– В настоящей жизни... – проговорил Калинов. – А что же тогда здесь?

– Здесь? Здесь придуманная. Клод называет это Дримленд.

– А кто ее придумал?

– Не знаю... Наверное, мы все. Вместе... А почему ты все спрашиваешь?

– Потому что мне интересно.

– Странно, – сказала Вита. – Обычно те, кто сюда приходят, кое-что уже знают... Кто дал тебе номер?

Калинов внутренне сжался. Соврать что-то надо. Например, заявить, что номер дал Фараон.

– Никто, – сказал он. – Я подсмотрел.

– Правду сказал. – Вита облегченно вздохнула.

– Откуда ты знаешь?

– Знаю. Я чувствую, когда человек лжет. У нас тут не лгут.

– Совсем?

– Да. Даже те, кто в Мире лжет, тут не лгут. А если лгут, то больше у нас не появляются.

– Почему?

– Не знаю, – сказала Вита. – Не появляются – и все!

– Тогда я не буду лгать, – сказал Калинов. – Мне здесь нравится.

– А что именно тебе нравится?

– Ты.

Развлекаться изволишь, старый козел, сказал себе Калинов. Тоже мне, Пан! Только перед тобой не Сиринга, свирелью дело не закончится...³ Однако жалеть о сказанных словах ему совершенно не хотелось.

– Дурак! – Вита отвернулась, и Калинов понял, что сказанное им ей очень приятно. – Давай сбежим, – предложила она.

– Давай... Только Зяблик нас все равно отыщет.

– Не отыщет. Я ему сказала, что больше не люблю его.

Вот же чертенок, подумал Калинов. Как у нее все просто! Хочу – люблю, хочу – не люблю... Эх, быть бы помоложе!

– Не смотри на меня так, – попросила Вита.

– Как?

– Как старый дедушка... Который все видел и все знает. – Она прикрыла ему глаза теплой ладошкой. – Побежали?

Калинов поморгал, и Вита отдернула руку.

– Щекотно, – пояснила она.

Ау, молодость, снова подумал Калинов. А как было бы хорошо! Она бы, скажем, попала в беду. А я бы ее спас!.. Как в старинных романах.

Но развлекаться больше не хотелось. Хотелось серьезного и «ароматного».

---

³ В древнегреческой мифологии нимфа Сиринга, стремясь сохранить девственность и избежать преследований Пана, превратилась в тростник, из которого Пан изготовил свирель.

3. ИСКУШЕНИЕ

Сбежали они сразу, едва Калинову возжелалось серьезного.

Мир пропал. Распахнулось вдруг изумрудное небо, запылали на нем два бледно-фиолетовых, призрачных солнца.

Калинов и Вита летели под солнцами, взявшись за руки. Далеко внизу ласково шевелился чернильный океан. Оба они знали, что лишь отсюда он кажется ласковым и ленивым, а там, внизу, волны достигают в высоту сотни метров. Да если еще учесть, что это не совсем вода. А точнее, совсем не вода...

Калинов содрогнулся: не отказали бы двигатели.

И тут же рука Виты куда-то исчезла. Он повернул голову и увидел, как девушка, с трудом удерживая равновесие, заскользила вниз. Крылья на ее спине безвольно трепетали в потоках воздуха, и Калинов понял, что сейчас произойдет. Он притормозил и бросился вниз, чтобы уравнять скорости и подхватить уже падающую Виту. Это ему удалось с первой же попытки, словно он всю свою жизнь только и делал, что занимался спасением погибающих в чужих небесах. Правой рукой он подхватил Виту за тонкую талию, а левой стал снимать с ее спины ранец и обвисшие крылья. Это тоже удалось, и он хотел было уже закричать от восторга, как вдруг понял, что его крыльям двоих не удержать. Вита принялась отдирать его руку от своей талии, но он подтянул девчонку к себе и вцепился пальцами в пояс.

Хорошо, что пояс узкий, подумал он. Не оторвет, сил у нее не хватит... Но как же мне теперь одной рукой умудриться снять с себя и надеть на нее крылья?

И тогда Вита повернула голову, и он увидел ее прищуренные глаза, равнодушные и чужие.

– Не надо, – сказала она зло. – Ерунда все это.

Калинов растерялся и чуть было не разжал пальцы.

А вокруг уже не было ни зеленого неба, ни фиолетовых солнц. Был серый теплый вечер. С далеких прерий остро пахло незнакомыми травами. Сзади доносилась разухабистая музыка. Там, у салуна, они оставили своих лошадей и шли теперь по узкой улице, протянувшейся между двумя рядами безжизненных нахмурившихся домов. Ноги, обутые в мокасины, мягко ступали по непривычно ровному камню. К ночи должен был пойти дождь, и это было хорошо, потому что в дождь уйти от погони ничего не стоит.

Калинов пробежал взглядом по окнам. Все окна были темны и молчаливы, только в одном, на противоположной стороне улицы, чуть-чуть дернулась цветастая занавеска. А может быть, ему просто показалось. До дома Нуартье оставалось еще метров двести. И тридцать минут до начала мертвого часа, когда по городу разрешается передвигаться только бледнолицым. Идти приходилось медленно, потому что «зажигалки» Вита спрятала под юбкой, и они ей очень мешали. А дело надо было сделать не мешкая, ибо завтра должна была вернуться семья Нуартье – жена и пятеро ребятишек. Уж они-то ни в чем не виноваты.

Послышались шаги патрульных. Патруль топал к салуну, чтобы зарядиться очередной порцией виски.

– Что-то они сегодня рано, – сказал Калинов.

– Целуй меня, – прошептала Вита.

Он втиснул ее в угол между домами. Острая боль пронзила ногу. «Зажигалки», вспомнил Калинов, но делать что-либо было уже поздно: патруль находился совсем рядом. Вита обняла Калинова за шею, и он прижал ее всем телом к стене. Жаркое дыхание девушки обожгло ему губы, глаза ее широко раскрылись, он увидел в их глубине желание и страх. Сердце колотилось так громко, что, казалось, этот грохот должны услышать все жители города. И тогда Калинов

вытащил из кармана стилет и спрятал в рукав. Была еще, правда, маленькая надежда на то, что патруль слишком торопится в салун.

– Все хорошо, – прошептал Калинов.

Вита зажмурилась: их осветили сзади фонариком.

– Эй, краснокожий, помощь не требуется? – сказал кто-то.

Раздался грубый смех, и тот же голос гнусно выругался. Калинова поощрительно шлепнули по задку, снова заржали.

Виту начало трясти, и он еще сильнее прижал ее к замшелым камням. Боль в ноге стала почти нестерпимой. Не сорвать бы чеку, подумал Калинов. И кто бы мне объяснил, откуда в этом городке замшелые камни?..

Наконец, фонарик погасили, и патруль, зубоскаля и топая тяжеленными армейскими сапожищами, удалился. Калинов перевел дух, выпустил девушку из объятий и сунул стилет в карман.

– Пошли, – прошептала Вита, поправляя юбку.

Они двинулись дальше. Свет так нигде и не зажегся, фонари висели на столбах мрачными темными пятнами, похожие на замерзших нахохлившихся птиц. Подошли к дому Нуартье. Калитка, как и условились вчера, была не заперта. Калинов незаметно оглянулся по сторонам, вытащил стилет и осторожно открыл створку. Вошли. Во дворе почему-то было гораздо темнее, чем на улице, как будто Господь накрыл дом Нуартье капюшоном, спрятав их от всего остального, враждебного мира. Сзади чуть слышно щелкнул запор.

– Роже, – позвал Калинов. – Ты где?

– Да тут я, Орлиное Перо, – послышался за спиной голос Нуартье.

Оглянуться Калинов не успел. Руку со стилетом дернули вверх с такой силой, что она, казалось, сейчас оторвется, и тут же что-то тяжелое ухнуло по затылку. Впрочем, упасть ему не позволили, подхватили с обеих сторон под мышки, но сознание он, по-видимому, на несколько секунд потерял, потому что, когда он пришел в себя, Вита стояла в стороне с поднятыми руками.

Двор был залит светом. Роже Нуартье выпростал из-под тигровой шкуры ручищи и, ослабившись, принялся обыскивать девушку.

– Хороша подруга у Орлиного Пера! – сказал он и тряхнул белым чубом.

– Давно я не обыскивал такой аппетитной краснокожей!

Руки Нуартье скользнули вдоль тела Виты, слегка задержались на ее груди. Нуартье зацокал языком, а Калинов закусил губу и напрягся.

– У тебя извращенные аппетиты, Нуартье, – сказал с ухмылкой офицер. – Она же рыжая. И тощая как полено.

Нуартье грязно выругался, опустил руки ниже.

– Ого! – воскликнул он, наткнувшись на «зажигалки». – Тут, кажется, подарок.

Офицер отодвинул его в сторону, достал нож и, сверкая белозубой улыбкой – сама приветливость! – принялся разрезать на Вите юбку. Ткань легко разошлась, сквозь разрез стали видны белые трусики.

– Что-то новенькое, – сказал офицер, взвешивая «зажигалки» на ладони.

– Ты молодец, Нуартье!.. Мисс мы пока оставим у тебя, а паренька возьмем с собой. Шериф давно хотел с ним встретиться!.. А рыжую приведешь утром. Вы не против, мисс?

Нуартье с вождением глядел на «мисс». По затылку Калинова текло липкое и теплое, перед глазами висела плотная багровая занавеска, за руки держали крепко – не вырвешься! Он раскрыл глаза пошире, усилием воли отодвинул в сторону багровую занавеску и посмотрел на Виту.

Что же ты их не поубиваешь, девочка, подумал он. Не спасешь нас?.. Ведь тебе это так просто!

Его взгляд встретился со взглядом Виты, спокойным и пристальным. И в голове перестали бить колокола, и мускулы налились металлом, и Калинов понял, что может перевернуть мир. Запросто – как школьный глобус... А еще он понял, что Вита желает, чтобы он все совершил самостоятельно. Рассчитался с Роже. Покончил с засадой... И ее чтобы спас. Как и положено кавалеру.

Господи, только бы не отказало мое столетнее тело, взмолился он. И напряг мышцы.

Люди, державшие его за руки, так сильно столкнулись головами, что черепа их раскололись. Легким движением Калинов перебросил оба тела через ограду: столь много оказалось сил. Офицер, все еще улыбаясь, пытался достать правой рукой пистолет, в левой у него по-прежнему были «зажигалки».

Зато Нуартье уже стрелял. Лайтинг в его лапах выглядел игрушечным, и он спокойно выпустил в Калинова весь заряд. В упор. С двух ярдов. Но луч отразился и ушел куда-то в небо. Калинов сделал шаг вперед, аккуратно щелкнул Нуартье по лбу. Голова Роже мотнулась назад; он выронил лайтинг из рук, упал навзничь, дернулся и затих. Тигровая шкура выглядела втоптанной в грязь волшебным цветком, и ее было жаль. Вита смотрела на своего кавалера с восторгом, и имелось в ее взгляде нечто такое, от чего мышцы Калинова прямо-таки переполнились мощью.

Оставался офицерик. Калинов повернулся к нему. Офицерик уже не улыбался. И не пытался достать пистолет. Правой рукой он тянулся к чеке «зажигалки».

– Не трожь! – заорал Калинов. – Полгорода спалишь!

Было поздно. Послышались хлопок и шипение. Физиономия офицерика начала вытягиваться.

И тогда Калинов схватил Виту под мышку и, задержав дыхание, прыгнул вверх, перелетел через ограду, через мостовую и опустился во дворе дома напротив. И снова прыгнул. В прыжке он успел оглянуться.

Из двора Нуартье, стремительно увеличиваясь в объеме, вставало багровое солнце. Было удивительно тихо, только что-то хрипела полузадушенная Вита.

Сзади полыхнуло жаром, и пришлось прыгать и прыгать, все дальше и дальше, и уже не хватало сил на следующий прыжок, и тогда он растянулся у какого-то дома, прямо на брусчатке, и подмял под себя Виту, прикрыв ее телом.

И наваливающийся сверху плотный жар пропал. Вокруг снова была трава, пели птицы, и дул легкий ветерок.

– Отпусти, – прошептала Вита. – Медведь...

Калинов, пошатнувшись, встал. Вита села. На ее обнаженной правой ноге виднелись два больших синих кровоподтека. Вита посмотрела на Калинова и медленно натянула на ногу разрезанную юбку. Он поспешно отвел глаза.

– Что происходило?

– У кого-то из нас буйная фантазия, – сказала Вита. – Пожалуй, даже слишком буйная! – Она поднялась, придерживая разрез рукой. – Я домой... С мамой теперь придется объясняться... В таком виде...

И не успел Калинов что-либо произнести, как она подскочила к нему, коснулась горячими губами его щеки, отпрянула и тут же исчезла.

О Господи, сказал себе Калинов. Добился-таки своего, старый пень!

Он огляделся. Рядом никого, слава Богу, не было. На пляже большая группа молодежи играла в волейбол. Классическим кружком, ухая и повизгивая. Калинов побрел туда. Левая нога ныла. Он снял брюки и остался в плавках. На ноге были такие же кровоподтеки, как и у Виты.

– Чертовы «зажигалки»! – пробормотал он.

На пляже его встретили громкими приветственными возгласами, как будто он отсутствовал невесть как долго. Зяблика среди играющих не было. Аллы – тоже. Флоренс Салливан сидела в сторонке на песке, подтянув к подбородку коленки, задумчиво смотрела на неподвижную воду. С Флоренс, пожалуй, стоило бы поговорить, но только – упаси Бог! – не сейчас. Калинов поймал на своих ранах любопытные взгляды двух или трех девчонок. Девчонки были незнакомыми, но симпатичными. Он равнодушно кивнул им и растянулся на теплом песке. Рядом с ним хлопнулся еще кто-то. Калинов повернул голову. Это был Клод.

– Надоело прыгать, – сказал он. – Можно, я с тобой полежу?

– Ложись.

– А где Вита?

Калинов пожал плечами.

– Ясно, – сказал Клод. – Интересно было?

Калинов снова пожал плечами.

– Вита – прекрасная девушка, – сказал Клод. – Только ей нужно настоящее.

Калинов подгрёб себе под грудь кучу песка.

– Зачем ты мне это говоришь? – спросил он.

– Видишь ли... Ты, должно быть, заметил, что большинству из нашей компании от шестнадцати до восемнадцати лет. Другие здесь почти не появляются.

– Заметил, – согласился Калинов.

– А мне вот уже двадцать два, – сказал Клод. – Да-да... Ты не хочешь спросить, почему я до сих пор играю в эти игры?

– Почему?

– Из-за глубины... Я, конечно, не знаю, где вы были с Витой вдвоем. Но вот когда мы штурмовали тот лагерь... Скажи, ты так ненавидел когда-нибудь там, в Мире?.. У меня было желание перекусить оранжевых голыми руками.

– А мне хотелось посмотреть, есть ли у них сердца, – сказал Калинов.

– Вот-вот. – Клод кивнул. – Ты знаешь, это как наркотик! И я боюсь, что они подменяют жизнь дэй-дримами... Это, знаешь, как в музее изобразительного искусства. Картина всегда выглядит более яркой, чем жизнь. В жизни и краски более блеклые, и разноцветья неизмеримо меньше. – Он вздохнул. – Во всяком случае, так кажется... Я ведь сам давно уже понимаю, что пора себе искать настоящее дело. И все время возвращаюсь сюда и возвращаюсь. Нет сил уйти... И так уже шесть лет.

– Шесть лет?! – поразился Калинов.

Оказывается, все это существует уже давно, подумал он. И все эти годы Страна Грез хранится в глубокой тайне... так, что никто из нас и не догадывался... И этот мальчишка прав. Я прожил без малого сотню лет, и любил, и ненавидеть приходилось, но все это было как-то мельче, мягче, бледнее... Как я тогда подцепил Наташку! Вот с ней у нас было настоящее... Черт, все с ног на голову поставил! Тут настоящее, в Мире игрушечное... А дети во все времена играли – уж так они устроены. В разные игры они играли, и в войну тоже... Казаки-разбойники!.. И не было в этом ничего кощунственного! Кощунство всегда придумывали взрослые...

Подошла Флоренс Салливан. Не глядя на Калинова, шепнула что-то Клоду. Тот кивнул. Флоренс шагнула в сторону и растворилась в воздухе. Клод снова повернулся к Калинову.

– Домой пошла? – спросил Калинов.

– Нет. Индивидуальный дэй-дрим... Не все ведь являются сюда лагеря штурмовать. Каждому хочется чего-то своего.

– А зачем тогда вы устраиваете всеобщие спектакли?

– Это не спектакли. – Голос Клода был спокоен: как будто учитель объясняет ученику новую тему. – А устраиваем мы их затем, чтобы здесь никто не чувствовал себя одиноким.

Калинов понимающе кивнул.

– Ты знаешь, Клод, – сказал он после паузы. – Я был неправ... С той пощечиной.

Клод Пристально посмотрел Калинову в глаза.

– Ты странный парень, Саша. – Он покусал нижнюю губу. – Вот ты лежишь рядом, пацан пацаном... А порой мне кажется, что ты лет на сто старше меня.

– Почему? – Калинов сел.

Как будто насквозь видят, думал он. Какие они, в сущности, еще дети... Но иногда становится страшно находиться рядом с ними. Не то что солгать – душой покривить нельзя!

– Не знаю. – Клод пожал плечами. – Просто такое ощущение.

Отступись, старый козел, сказал себе Калинов. А вслух произнес:

– Пошел я домой.

– Ага, – отозвался Клод. – Приходи завтра.

Калинов встал и принялся натягивать штаны.

– Только запомни, – продолжал Клод, – обидишь как-нибудь Витку – я не погляжу на то, что ты пацан пацаном!

– Запомню, – пообещал Калинов.

И окунулся в серый туман.

Когда туман рассеялся, вокруг не оказалось ничего похожего на внутренности джамп-кабины. Калинов стоял на пороге незнакомого помещения. В помещении было пусто. И темно. Однако, едва Калинов сделал шаг назад, стены вспыхнули неяркими разноцветными огоньками. Намного светлее от этого не стало, но Калинов смог разглядеть ровные шеренги столиков, заполняющих помещение. Он усмехнулся: кажется, он стоит на пороге одного из тех автоматических кабаре, столь распространившихся в последнее время по Европе. Правда, зал был пуст, за столами никто не сидел, но весь этот антураж после всего происшедшего сегодня казался настолько неожиданным, что Калинову стало любопытно, что Вита придумала еще. И потому он спокойно сел за столик прямо напротив стереорама, изображавшей пустую сцену, задрапированную серой в полутьме – а в натуре, по-видимому, белой – материей. Кресло тут же трансформировалось под очертания его тела, и Калинов подумал, что, если бы в кабаре оказался наблюдательный посетитель, он бы немало подивился: с какой это стати кресло, в которое уселся молоденький парнишка, приняло такие очертания?

Наблюдательных людей в зале не оказалось, однако кабаре сразу ожило. Должно быть, именно Калинова здесь и ждали.

– Добрый вечер! – раздался интимный голос, и опытное ухо Калинова тут же уловило, что говорит автомат. – Мы рады видеть вас в нашем театре. Ждем вашего заказа. Представление – через полчаса.

Голос умолк, из глубин стола выдвинулось табло меню. И Калинов обнаружил, что сегодняшние приключения только разбудили его аппетит. Он даже вынужден был отметить, что давно уже не испытывал такого голода в последние годы. И принялся нажимать кнопки, надеясь, что кабаре не растворится в сером тумане и удастся поесть здесь, за этим столом, где никто не мешает.

Тут ему в голову пришло, что это именно его фантазия создала пункт удовлетворения желудочных страстей, а значит – пока создатель не насытится, кабаре не исчезнет. И надо сказать, такое всемогущество было весьма приятно. Как в молодости, когда казалось, можешь абсолютно все, и не было еще за плечами груза ошибок и компромиссов. Тем не менее, при всем ощущении всемогущества, спиртного Калинов заказывать не стал: ни к чему играть в «казаки-разбойники» с собственным организмом, до добра такие игры не доведут. Ограничился соком.

Через минуту раскрылись створки люка, и недра стола родили поднос с заказанным. Калинов взял в руки нож и вилку и вдруг понял, что пустота зала действует ему на нервы.

И тут же над столами разнесся гул голосов. Калинов в растерянности крутил головой. Пустых столов в зале больше не было, вокруг сидели плечистые молодые парни, что-то жевали, разговаривали друг с другом. За столом Калинова никто не появился. Из гула голосов слух не выделял ни одной различимой реплики. Более того, и лица-то у парней были какие-то неразличимые.

Во всяком случае, когда Калинов отвел глаза от сидевшего за соседним столом блондина, ему показалось, что лицо того исчезло, превратилось в неразличимую маску: точка, точка, два крючочка... Однако, если не смотреть по сторонам, ощущения странности не возникало, а пустота больше не давила на психику. И Калинов принялся за обед.

Обед был натуральный. Бифштекс оказался настоящим мясом, да и овощи явно выросли на грядке, так что Калинов с давно не испытываемым удовольствием очищал тарелки. Вокруг ели и разговаривали. Заметив, что безликие парни не смотрят друг на друга, Калинов пришел к выводу, что каждый беседует с самим собой. Из-за столов никто не поднимался, никто не выходил и не входил в зал, но в конце концов, что ему за дело до собственных фантазий, когда организмом правит желудок? Уж лучше такие сотрапезники, чем шипящие драконы или белобрысые юнцы в тигровых шкурах! С лайтингами в руках...

А потом вспыхнули софиты, и стереорама преобразилась. Серая драпировка покрылась разноцветными пятнами. Донесли звуки фанфар, по залу разнесся приятный аромат незнакомых духов. Мерно жующие физиономии, как по команде, повернулись в сторону сцены. Гул голосов резко оборвался, словно кто-то где-то выключил кристаллофонную запись.

А потом на сцену явилась из ниоткуда прелестная девичья фигурка, затянутая в облегающее одеяние. Софиты светили в глубокий вырез на спине, и Калинов сразу узнал Виту, хотя она и поменяла цвет волос – с рыжего на белый. Фигуру-то так легко не поменяешь... Если ты не вооружен дисивером...

И начался сеанс стриптиза. Калинов никогда не понимал популярности подобных заведений. Конечно, голографическое изображение на вид ничем не отличается от живого тела, но ведь стриптиз – не простой показ процесса избавления от одежды. Живая артистка всегда чувствует настроение зрителей, их желания и темперамент, и в зависимости от настроения зала меняет ритм движений и музыки. Тут музыка звучала очаровательная, но ритм не менялся. Автоматика...

Калинов сглотнул слюну и оглянулся. Тупые физиономии, глядя на обнажающуюся Виту, мерно пережевывали свою жвачку. С удовольствием. Как коровы.

Господи, подумал Калинов, напрочь забыв, что в зале сидят не люди. Да как же они могут!

И тут же коровы перестали жевать, но от этого выражения лиц сотрапезников стали еще тупее. Калинов снова обратился к представлению. Процесс обнажения успешно развивался. Верхняя половина одеяния уже валялась на сцене. А потом ритм музыки плавно замедлился, как и должно было произойти перед главными событиями. И неожиданно Калинов понял: это не стереорама и не изображение Виты, эта настоящая сцена и сама Вита, живая, горячая, соблазнительная. А еще он понял, что все представление разыгрывается исключительно ради него.

О Господи, подумал он. Что же я такое натворил? Что станет с нею, когда она узнает обо мне правду?

В медленном танце Вита повернулась к Калинову боком, и он, разглядев форму бюстгальтера, обнаружил, что это не Вита. Не было у Виты такого бюста... Калинов поразился: как он мог принять за Виту эту полногрудую девицу. А потом девица повернулась к нему лицом, эффектным жестом отбросила со лба пшеничную челку, и Калинов узнал ее. На сцене танцевала Флоренс Салливан. Пока он ошарашенно хлопал ресницами, сеанс стриптиза завершился, и Флоренс, подхватив со сцены свои тряпки, исчезла за драпировкой. Музыка умерла, погасли софиты. Волшебная сказка завершилась. Безликие молодцы разразились аплодисмен-

тами, намереваясь отхлопать себе ладони. А потом вновь принялись мерно жевать и неразборчиво бубнить.

Калинов изо всех сил пытался вызвать в своей душе ощущение неприятия происшедшего, но быстро убедился, что его потуги напрасны. Не было во Флоренс ничего неприятного, более того – стриптиз в исполнении столь юной девушки выглядел весьма пикантно. И Калинов понял, что это была не его фантазия, это была фантазия ее, Флоренс, ее дэй-дрим – ведь возраст девчонки не позволял ей принимать участие в подобных представлениях в Море, а она явно в этих представлениях нуждалась.

Он снова пригляделся к неистово аплодирующим зрителям и обнаружил вдруг, что кабаре наполнено отнюдь не юнцами. За столами сидели солидные мужчины и, если бы они были живыми людьми, все наверняка оказались бы отцами семейств. По-видимому, зрители были такими, какими их хотела видеть актриса.

А потом раздался взрыв восторга, и Калинов вновь обратил свое внимание на сцену. Флоренс опять стояла в лучах софитов, теперь на ней было элегантное платье и украшенные золотом туфли. Новая, высокая прическа делала ее старше и привлекательней. Актриса раскланивалась во все стороны, с удовольствием купаясь в шквале аплодисментов, и Калинов понял, что ей очень нравится стоять вот так и что купается она не в аплодисментах и не в лучах софитов, а в десятках мужских взглядов.

Флоренс бросила в сторону Калинова мимолетный взгляд, и он сообразил, что и он должен смотреть на нее так же, как все эти статисты с тупыми супермужественными физиономиями. А потом поймал себя на том, что именно так он на нее и смотрит – как мужчина на недосягаемую, желанную избранницу. И тогда она, вновь взглянув на него, величаво спустилась по ступенькам со сцены и, высоко неся прелестную головку, приблизилась к его столу. Ему хватило догадливости встать и предложить ей кресло слева от себя. Она томно улыбнулась и сделала книксен. Села. А Калинов наконец обнаружил, что ее элегантное платье изготовлено из полупрозрачной ткани и что, если приглядеться, можно рассмотреть каждую складочку юного тела. Во всяком случае, коричневые пуговицы сосков так и лезли в глаза.

Она снова улыбнулась:

– Меня зовут Флой. А тебя?

– Александр. Можно Алекс. Что-то я тебя не видел, когда разыгрывали дэй-дримы.

– Да, я сегодня немножко опоздала. Мама пыталась со мной поговорить. Но когда штурмовали лагерь, я уже была. А потом ты куда-то исчез, с Виткой, и мы так и не смогли познакомиться. Я из Оксфорда, Англия.

– Санкт-Петербург, Россия.

– О, русских у нас становится все больше. – Она перехватила его взгляд, выпрямила спину и отвела назад плечи, так, чтобы грудь обтянулась еще рельефнее. – Ты ведь новенький?

– Да.

– С Виткой давно знаком?

Калинов решил сказать правду:

– Вчера в первый раз увидел. – Он заметил, что в ее глазах загорелся лукавый огонек. – А разве это имеет какое-то значение?

– Нет, конечно... Просто мне показалось...

Она не договорила, но лукавый огонек в глазах оказался достаточно красноречивым. Калинов выразительно пожал плечами и тут же сообразил, что жест его можно расценить по-разному.

Ну и что, сказал он себе. Разве я здесь не для того, чтобы собрать о них побольше информации?

Флой, похоже, расценила его жест однозначно. Глаза ее стали блестящими. Она оглядела сидящих вокруг типов. Теперь типы не обращали на нее никакого внимания.

– Мне понравилось твоё поведение при штурме лагеря. Для новенького ты вел себя удивительно собранно.

– Интересно было. – Калинов изобразил на физиономии улыбку «скромный мальчик». – Хотя сама ситуация показалась мне неожиданной.

Флой кивнула:

– Конечно... Но ведь это был дэй-дрим Зяблика, а он у нас паренек с выкрутасами.

– А это не один из его выкрутасов? – Калинов обвел глазами ряды столов.

Флой усмехнулась:

– Не у одного же Зяблика бывают выкрутасы!

– Вот только эти куклы все портят. Надо бы было привлечь всамделишных людей.

– Нет! – Флой энергично мотнула головой. – Не все можно показывать всамделишным людям.

– А мне, выходит, показывать можно все?

– Ты не производишь впечатления болтуна, и потом... Ты какой-то... основательный, а наши мальчики похожи на флажки, трепещущие на ветру.

– Ну, положим, Клод-то не очень похож на мальчика.

– Клод? – Она фыркнула. – Мальчиком можно быть и в сорок, а Клоду едва за двадцать перевалило. Все, кто становятся взрослыми, уходят из Дримленда, а Клод все возится с нами. Никак не может решиться на обряд обручения с жизнью.

– Как ты сказала? Обряд обручения с жизнью?.. Это еще что такое?

– Когда-нибудь увидишь... Хотя я бы скорее назвала его изгнанием во взрослые. – Флой замолкла. Судя по всему, развивать затронутую тему она была не намерена.

– А ты, стало быть, больше любишь взрослых, – сказал Калинов. И добавил: – Мужчин!

Освещение в зале не позволяло рассмотреть краску на ее лице, но Калинов был уверен, что и при обычном освещении она не выглядела бы покрасневшей. Впрочем, глаза она все-таки отвела.

– Только не пойму, почему ты ищешь их здесь, – продолжал Калинов. – Ведь ты сама сказала, что взрослых в Дримленде нет. – Он изобразил внезапную догадку. – А, понял... Ты их любишь, но боишься. Вот поэтому и демонстрируешь свои прелести перед толпой кукол. Так безопаснее.

Она опустила голову, помолчала. Кажется, ему-таки удалось задеть ее.

– Какой умный мальчик! – сказала она наконец ядовито. – Ну да ладно, мне нравятся умные... Вот только ответь: сам-то ты что ищешь в Дримленде? Ведь ты не производишь впечатления несчастного ребенка, обиженного взрослыми.

Он крикнул, взял ее за руку.

– Извини, Флой! Я вовсе не хотел тебя обидеть. – Он пожал ее ладонь.

Она подняла на него огромные глаза. В уголках глаз дрожали слезинки.

Господи, подумал он. Зачем я так с ней? Разве она виновата, что ей хочется того, чего она не может достичь в жизни? Разве она виновата, что ей хочется того, чего родители ее никогда не одобряют? Как же, дочка двух ученых сухарей и вдруг артистка стриптиз-кабаре! Да никогда!

– Ты меня не очень-то и обидел, – сказала она наконец. – Отец никогда не обращал на меня никакого внимания. Его любовь – марсианская флора. А мама, кроме него, никого в жизни не замечает. И всякий раз, когда им надо на Марс, меня сплавляли к бабушкам и дедушкам. А теперь со мной и совсем трудно! – Она махнула рукой.

А бабушки да дедушки – пуритане из замшелого века, подумал Калинов. Но говорить ничего не стал. Просто погладил ее пальцы.

Она посмотрела на него с благодарностью, вытерла тыльной стороной ладони две мокрые дорожки на щеках. Спросила:

– Почему рядом с тобой так хорошо? Ни с кем из наших я не чувствовала себя так... уверенно, что ли?

– А я еще не ваш?

– Нет, конечно. Нашим сразу не становятся. Вон Вампир уже месяц с нами... Впрочем, мне сказали, ты сам все видел. Так что не все у нас задерживаются... Но ты так и не ответил на мой вопрос. Чем тебя привлек Дримленд?

Калинов выразительно пожал плечами:

– А Бог его знает!.. Я и сам не пойму. Нравится мне у вас. Девчонки симпатичные, ребята – ничего.

Она пристально смотрела ему в глаза, но он выдержал этот взгляд.

Как легко вас всех обмануть, думал он. Чуть-чуть невинности во взоре, чуть-чуть правды, и вы тут же покупаетесь.

Похоже, Флой нашла в его глазах то, что искала. Во всяком случае, ее напряженное личико смягчилось, а потом она и вовсе улыбнулась. Обвела взглядом зал.

– Значит, тебе не нравятся мои зрители? Мне они тоже не нравятся: у них не бывает неожиданных поступков. – Она взяла Калинова за руку и оглянулась на соседний стол.

Блондин, сидевший за столом, вышел из состояния равнодушной тупости и неторопливо направился к Калинову.

– Эй, паренек! – Голос был негромок. – Пойдем-ка проветримся. Есть разговор.

Калинов сразу все понял. Он смерил блондина с ног до головы испепеляющим взором, поднялся и заявил:

– А чем здесь не место для разговора?

Блондин замахнулся.

Конечно, Флой, по-видимому, умела драться, но ее умение не шло ни в какое сравнение с умением Калинова. Во всяком случае, ее блондин замахивался так долго, что Калинов вполне успел сгруппироваться и коротким ударом в челюсть отправить противника в нокаут. Только длинные ноги мелькнули в воздухе, когда блондин перелетел через свой стол. Флой смотрела на эту картину с восторгом, а к Калинову приближались уже несколько человек.

С ними справиться оказалось еще проще: ведь они только мешали друг другу. Дальше пошел обыкновенный плохонький боевик. Перед лицом мелькали кулаки, исчезали и вновь возникали искаженные разыгрываемыми эмоциями физиономии. Разыгрываемые эмоции не мешали физиономиям оставаться тупыми. Калинов даже рассмеялся: так потешно они выглядели. Но потом он обнаружил, что те, кого он, казалось бы, укладывал замертво, сразу же как ни в чем не бывало поднимаются с пола и вновь ввязываются в драку. Тут ему стало не до смеха – он понял, что его замысел уложить весь зал к ногам Флой может оказаться невыполнимым: силы уже не те.

А потом Флой истошно завизжала. Калинов улучил момент и сумел оглянуться на нее. В девчонку вцепились двое, тянули ее за руки в разные стороны, словно желали распять на спинке кресла.

Да ты никак еще и мазохистка, милая моя, подумал Калинов.

Он сумел выбраться из кучи-малы и быстренько раскидал статистов-насильников.

– Бежим! – шепнула Флой и потащила его на сцену.

Калинов бросил взгляд в зал. Статисты теперь дрались друг с другом и не обращали на юную пару никакого внимания. Флой тянула Калинова за драпировку. Ну и будь что будет, подумал он и шагнул за девчонкой.

Они оказались в длинном коридоре, тускло освещенном единственным светильником. Шум драки оборвался. Калинов не сомневался, что никого из статистов уже нет в зале: они свою роль в спектакле сыграли и за ненужностью отправлены в небытие. Он посмотрел на девушку.

Флой впилась в него огромными, широко распахнутыми глазами и как-то неуклюже, бочком, шагнула к нему. Девичьи руки обвили его шею, и губы прижались к его рту. Губы были горячие, как июльское солнце, а руки требовательны, словно судебный исполнитель. Калинов с трудом оторвал ее от себя, сделал шаг назад, уперся спиной в стену коридора. Искусительница утробно проворковала что-то и вновь прижалась к нему, стремясь собой размазать его по стене. Низ ее упругого живота превратился в самостоятельное существо и выделял такое, что Калинов в очередной раз пожалел о своем возрасте.

Увы, любовник ничем не мог ответить любовнице. Калинов стоял, безвольно опустив руки, и только вздрагивал от прикосновения девичьих прелестей. В конце концов ему стало настолько жаль ее, что он не удержался и отечески погладил Флой по пшеничной головке. Она расценила этот жест по-своему и удвоила усилия. Однако вскоре до нее дошло, что ее живот не находит у партнера той упругости, которую ищет.

– Милый, что с тобой? – Она заглянула ему в глаза. – Ты не хочешь?

Калинов молчал, глупо улыбаясь.

Догадка поразила Флой. Она отшатнулась от него, закусила губу. От частого дыхания коричневые набухшие соски ходуном ходили в объятиях полупрозрачного платья.

– Так вот что ты ищешь в Дримленде! – Она зло расхохоталась. – Зря, миленький! Обращайся к врачам: Дримленд не делает импотента мужчиной. – Она выругалась и вдруг залепила ему пощечину. – Проваливай, тухлое яйцо!

Коридор начало затягивать серым туманом.

4. ОСОЗНАНИЕ

Дома он долго отмокал в ванне, поглаживая отмеченную кровоподтеками ногу, и кружился под колющими струйками душа, словно пытался смыть свой позор. Обсушившись, некоторое время рассматривал в зеркале юношеское тело, принадлежащее лже-Калинову. Хорошее было тело, молодое, здоровое... Одна беда – существует оно, пока включен дисивер. И даже тот факт, что оно привлекает девчонок, не делает его более реальным. Бедная Флой!.. Какое жестокое разочарование она испытала! Впрочем, сама виновата, я к ней в дэй-дрим не напрашивался. В Витин дэй-дрим я, правда, тоже не стремился, но она хотя бы не превратила все сразу в постельные дела... А если бы превратила?

Он вдруг понял, что в этом случае исход задел бы его гораздо больше. И удивился... А почему это должно его задевать? Разве секс – главное в жизни мужчины?.. Он улыбнулся себе в зеркало. Конечно, не главное, но как бы было хорошо, если бы и это тоже не ушло. Увы, чему быть – того не миновать... И не имеет смысла сожалеть попусту! Он подмигнул своему отражению и принялся одеваться, но думы его снова и снова возвращались в коридор за сценой стриптиз-кабаре, пока ему не стало ясно, что если он проведет остаток дня дома, эти мысли не дадут ему покоя. Тем более что не мешало бы теперь и с Витиной матерью повстречаться.

Раздался сигнал вызова: кому-то он был нужен. Калинов подошел к тейлору и включил односторонний канал. Он был нужен Лидии Крыловой. Для этой женщины (как, впрочем, и для всех остальных землян, кроме Паркера) Калинова дома не было. Он переключил тейлор на автоответчик и вырубил односторонний канал.

Экая пробивная дамочка! Уже и его домашний номер умудрилась узнать. В ГИБДД этот номер, как ни старайся, не отыщешь. Даже если в лепешку разобьешься... Кто-то из так называемых «коллег по политической деятельности» выдал. Впрочем, Бог с ними. Такие во все времена встречались.

Нет, надо все-таки сходить в гости к Витиной матери. Самое время... Придется, правда, снять на несколько часов дисивер, хоть и есть вероятность, что его кто-нибудь засечет в привычном облике. Засекут так засекут, плевать! В конце концов он не преступник, в самом-то деле!

Он отправился исполнять задуманное с неожиданным для него самого удовольствием. Совесть, впрочем, пыталась заявить ему, что он отправляется к Витиной матери совсем не как разведчик в стан врага, но он и не подумал прислушаться к своему внутреннему голосу.

Витина мать оказалась очень похожей на саму Виту – те же рыжие волосы, те же зеленые глаза, та же стройная фигурка, лишь слегка расплывшаяся в талии. Вот только лицо подкачалось: это было лицо смертельно усталого человека, с потухшими глазами и безвольным подбородком. Впрочем, когда она поняла, кто стоит перед ней, в глазах ее вспыхнул явный интерес.

– Здравствуйте, – сказала она. – Ведь вы Калинов, правда?

– Правда, правда... – Калинов, по-стариковски покряхтывая, ввалился в квартиру. – Здравствуйте, сударыня!

– Меня зовут Джинджер... Вирджиния. Идемте в гостиную, вот сюда. – Она повесила его шляпу на вешалку, провела гостя в комнату, усадила на диван. – Вы посидите, я сейчас чайку. Или, может, желаете чего-нибудь покрепче?

– Что вы, что вы! – Калинов замахал руками. – Куда мне, в моем-то возрасте!

– Ну, по-моему, вы еще хоть куда! – Она вышла.

Калинов огляделся. Гостиная была обставлена с большим вкусом. Мебель дорогая, под старину, – думается, настоящее дерево. Никаких современных трансформирующихся кресел, диванов и столов, никаких замаскированных под обычные стены шкафов. Богатая обстановка. Похоже, эта Вирджиния не бедствует... Да и квартиры в этом районе недешевы.

Когда чай был приготовлен и они расположились за столом, Калинов сказал:

– Вообще-то я хотел бы поговорить с вашим мужем.

Глаза Джинджер тут же потухли, словно присыпанные пеплом.

– К сожалению, не удастся. Я не замужем.

Калинов разыграл легкое удивление:

– Вот как!.. Ну, в таком случае...

– А в чем, собственно говоря, дело? – Теперь она была явно встревожена, смотрела на него пристально, не мигая. – Что-нибудь относительно моей Виты? – Она привстала.

– Нет-нет, – поспешно проговорил Калинов. – Ничего серьезного, все в порядке.

– Ох, Дева Мария! – Она принялась разливать чай. – А я испугалась... Так я вас слушаю.

– Видите ли... Я сейчас занимаюсь одним молодым человеком, который периодически исчезает из дому.

Она мелко покивала, опустила голову.

– Моя Вита... Вы нашли ее с ним?

– Да нет, не совсем с ним. Их там целая команда. Давно у вас с нею конфликт?

Джинджер молча смотрела на него остановившимися глазами, губы ее задрожали, но она нашла в себе силы справиться со слабостью. Снова посмотрела ему в лицо.

– Дочь стала исчезать месяца четыре назад. Пока в школе были занятия, исчезала по вечерам, а как начались каникулы, пропадает целыми днями. Чем занимается, не говорит, но приводила пару раз домой одного мальчика. Зовут его Игорьком. Симпатичный такой мальчишка и, кажется, сильно в нее влюблен.

– А она? – равнодушно спросил Калинов. Мне на это и в самом деле наплевать, подумал он. Разве может персону такого масштаба интересовать любовь какой-то пигалицы?

– Не похоже... Но вот в последние дни что-то, мне кажется, случилось. Вчера ночью она плакала, я слышала... А утром умчалась с сияющими глазами.

У Калинова вдруг отчаянно заколотилось сердце, как будто сбылась его вековая мечта. И даже не хотелось врать самому себе...

– А может быть, она нашла отца и тайне от вас посещает его?

Джинджер поджала губы, потом вдруг вскочила и выбежала из комнаты. Калинов встал, подошел к окну. Далеко внизу зеленел массив Сосновского лесопарка, отражалось в прудах вечернее солнце.

Зачем ты пришел сюда, спрашивал себя Калинов. Неужели и в самом деле лишь для того, чтобы узнать, каким может быть очередной конфликт между матерью и дочерью, провести, так сказать, дополнительное социологическое обследование?.. Спрашивал и не получал ответа.

– Здравствуйте, – раздался сзади знакомый голосок.

Калинов стремительно обернулся.

Она стояла в дверях, любопытные глазки внимательно изучали старого дяденьку. На ней все еще была давешняя разрезанная юбка, и ей приходилось придерживать края разреза рукой, чтобы старенький дяденька не засмотрелся. Но дяденька все равно глядел на нее во все глаза. Она выглядела не совсем знакомой, какой-то чужой. Так во сне кажется немного чужим даже очень близкий вам человек, тот, кого вы изучили за долгие годы вдоль и поперек.

– Ну вот, язык проглотил... Что вы тут делаете?

Калинов наконец пришел в себя, неторопливо двинулся к столу, сел. Взял в руки чашку чаю. Посмотрел невозмутимо: ну-ка, что там за девчушка путается под ногами?..

– Я, голубушка, Калинов.

– Калинов?! – В голосе Виты послышалось удивление. – Тот самый?

– Тот самый... Пришел в гости к твоей маме, потому и нахожусь здесь. А что это с твоей одеждой?

Она опустила глаза, внимательно осмотрела юбку, удовлетворенно улыбнулась.

– Изнасилована вурдалаком! – В голосе ее прозвучал откровенный вызов.

– А вы небось интересуетесь моей нравственностью. Я права?

– Интересуюсь... Не боишься, что вурдалачата родятся?

– Не боюсь! – Она показала ему язык. – Я не дура, предохраняться не забываю. Так что о моей нравственности можете не беспокоиться. Вурдалачата не станут социальной проблемой.

Калинов почувствовал раздражение. Что это она себе позволяет? Может, поставить нахалку на место? Однако сдержался, отпил глоток остывшего чаю, сделал вид, что принял все за шутку.

– Я рад, что у нас такие здравомыслящие дети.

– Дети! – Она фыркнула. – Вы мне не отец. Вы бы сначала своих детишек сделали, а потом чужими занимались! Или чужими заниматься проще?

– Откуда... – начал Калинов. И замолк: вспомнил, что на уроках социологии в некоторых Школах второй ступени, кажется, изучают его биографию. Но все-таки эта нахалка его задела...

Нахалка прошествовала к дивану, села, вызываяще закинула ногу на ногу.

– А может, вы и есть мой сбежавший папочка?

Разрез на юбке разошелся, миру явилось крепкое гладкое бедро. Кроме обнаженного тела, под юбкой, кажется, больше ничего не было.

– Староваты вы, правда, для папочки. – Она перехватила его взгляд, но юбку не поправила. Посмотрела на свое бедро, подмигнула, криво усмехнувшись: – Хотя лет двадцать назад вы еще, наверное, в самом соку были...

– Вита! Что ты тут делаешь? – На пороге стояла Джинджер. Лицо спокойное, но глаза подозрительно блестят. – Немедленно иди к себе! И почему ты еще не сняла это безобразие?

Вита встала, гордо вскинула голову:

– Уже и с человеком нельзя поговорить!

– О Дева Мария!.. Да ты хоть знаешь, кто перед тобой?

– Не слепая... Чуть ли не каждый день его по ТВ вижу... «Задачи Социологической комиссии представляются мне самыми важными задачами всего Совета...» – продекламировала она, явно еще раз хотела показать Калинову язык, но только закусил нижнюю губу. Так, с закусенной губой, и покинула комнату.

Джинджер села за стол, подперла голову рукой, не поднимая глаз, произнесла:

– Извините... Такая вот она у меня. Вам со своими детьми тоже тяжело приходилось?

– Тоже, – соврал Калинов с идиотской улыбкой. – Все они в этом возрасте одинаковы.

– Не все, – не согласилась Джинджер. – Вот у соседей этажом ниже – парень как парень. – Она встала, прикрыла за дочкой дверь. – Вы ведь почти как доктор, правда?

Калинов кивнул. И тогда ее словно прорвало:

– Все случилось как-то по-дурачки... Если помните, в то время как раз в моде дрим-генераторы были. Вот наша компания и собралась в тот день... Но не в дрим-театре, а у подпольного «благодетеля». У них, если помните, и подешевле было, и безо всяких ограничений... Но мы тогда договорились: никакого секса, каждый сам по себе. – Она подняла на него глаза.

Калинов покивал, изображая на физиономии самое живейшее участие.

– Я не знаю, как все произошло, – продолжала она. – Он как-то оказался среди нас... Его звали Джошуа, и он был не из нашей компании... А может, и кто из наших оказался таким в моих грезах, не знаю... «Благодетель» клялся, что никто из посторонних к нам не заходил... Джошуа был как херувимчик, и какое было счастье! – Она судорожно глотнула. – Я знаю, я за прошедшие годы со многими пробовала, но ни с кем такого не было. Как во сне... знаете, когда летаешь – счастье невыразимое... И только со мной это случилось. Остальные четверо девчонок заявили, что все было очень пристойно – только грезы, и никакой физики... И ребята наши потом отказывались, но факт остается фактом – через девять месяцев родилась Вита.

– Почему же вы не избавились от беременности? – позволил себе реплику Калинов. И тут же понял: не такого вопроса она ждала.

– О нет! – Она закрыла глаза, лицо ее расцвело. – Дева Мария, это было такое счастье! Как в сказке... У большинства, я знаю, тошнота, рвота... А у меня были девять месяцев сплошной эйфории, как будто я наглоталась наркотиков.

– А больше беременностей у вас не было? – Теперь с выражением участия у Калинова не было никаких сложностей.

– Решилась однажды. Когда Вите было четыре... Как у всех – тошнота и весь остальной букет, а потом и вовсе выкидыш.

– Так и не знаете, кто Витин отец?

Она помотала головой:

– Наверное, тот «благодетель»... Нашим ребятам я верю, они так со мной поступить не могли.

– И вы его не искали?

– Не искала... А зачем? Разве он сделал меня несчастной? Я счастлива.

– Мне кажется, Вирджиния, вы кривите душой. – Калинов старался говорить очень мягко, чтобы – упаси Бог! – не обидеть ее. – Мне вы не кажется уж очень счастливой.

Она снова помотала головой:

– Вы мужчина и ничего не понимаете. Как я могу сказать, что я несчастна, когда я пережила такое счастье... Мне кажется, все дело было именно в дрим-генераторе, и я очень жалела, что через некоторое время их полностью запретили... А с другой стороны, мы и до этого случая хаживали к «благодетелям», и все было в полном порядке. В общем, не знаешь, что и подумать... С подружками-то моими, теми, кто участвовал тогда в сеансе, ничего не случилось. В конце концов они вышли замуж за наших ребят, растят детей.

– А вы?

– Я? – Она с грустью улыбнулась. – А я все жду, что Джошуа вернется ко мне.

И говоришь всем, что ты самая счастливая, добавил про себя Калинов.

– Ну вот, – сказала Джинджер, – разболталась. О Дева Мария, с вами так легко разговаривается!.. Не зря вас считают хорошим доктором. Еще чаю?

– Она взялась за чайник. – Ой, да он остыл совсем! Пойду, подогрею...

– Спасибо, сударыня. – Калинов перевернул пустую чашку на блюдце. – Пора мне.

Она понимающе кивнула:

– Уже вечер... – и проводила его в прихожую.

Из-за одной из дверей доносилась громкая музыка: наверное, Вита развлекалась. Калинову невыносимо захотелось заглянуть туда. Интересно, сменила ли она юбку?.. Надо же, даже разрезанный подол может быть важен для девушки. Фетиш своего рода...

– И все-таки у них есть причины для претензий к нам, – сказала Джинджер, кивая на дверь, за которой звучала музыка.

– Ну, к вам-то какие могут быть претензии?! – Калинов строил из себя непроходимого идиота. – Для одинокой женщины вы, похоже, достаточно богаты. Престижный район, хорошая квартира...

– Да, я довольно популярный дамский модельер... Но я имею в виду не материальную сторону жизни.

Музыка смолкла, в прихожую выскочила Вита. Зеленые глазищи переполнены ехидством.

– Уже уходите, дедушка?

Калинов старался не опускать глаз: действительно, на ней была все та же разрезанная юбка.

– Доча, немедленно сними это безобразие! О Дева Мария, тебе, что, надеть нечего?

– Не сниму. – Вита упрямо наклонила голову. – До свиданья, дедушка. Не забывайте о важнейших задачах Социологической комиссии. – Она скрылась в своей комнате.

– Ох, горе мое! – Вирджиния вздохнула. – Хоть бы замуж поскорее высочила... Да ведь рано еще, школу надо закончить и дальше учиться! – И вдруг спохватилась: – Вы ж меня о ней так ничего и не спросили!.. Зачем же вы приходили?

Хотел бы я сам знать это, подумал Калинов и, успокоив хозяйку неотразимым набором дежурных любезностей, распрощался.

В лифте никого не оказалось, и он глупо улыбался своему отражению в зеркале. Выйдя на улицу, раздраженно плюнул под росший рядом с дорожкой куст шиповника. Член Совета Планеты был очень недоволен собой. Неужели эта зеленоглазая пичуга тронула его старческое сердце как женщина?! Вот еще не хватало приключений!.. Ей-то что – сегодня она в одного влюблена, завтра с неменьшим пылом втюрится в другого. Дело молодое... А вот ему-то не к лицу трепетать, не мальчик! Да и не дяденька – дедушка!

И возмущенно фыркнув, он отправился к ближайшей джамп-кабине.

Вернувшись домой, он сел ужинать, а когда дело подошло к вечернему чаю, в гости пожаловал Паркер.

– Добрый вечер, коллега, – поприветствовал его Калинов. – Вы как нельзя кстати. Я только что собрался почаяевничать. По-стариковски – без спешки и забот о дне грядущем.

– Благодарю, коллега, благодарю, – прогудел Паркер. – От чая никогда не отказывался.

Расставили сервиз, заварили чай. Калинов заказал варенье из ежевики. Доставая заказ из рисивера линии «Сэплай», он спросил:

– Ну-с, коллега, какие новости в этом мире?

Паркер хохотнул:

– А что, разве есть еще какой-нибудь мир?

– По крайней мере, Джордано Бруно это утверждал еще во времена оны.

Паркер насупился:

– Да ну вас, Алекс! Не тяните кота за хвост... Что это вас на философию клонит?

– Все очень просто: я влюбился.

Паркер снова хохотнул, на этот раз недоверчиво.

– Извините, коллега, но влюбленные редко философствуют. Обычно их мысли крутятся вокруг предмета обожания.

– Угощайтесь вареньем! – сказал Калинов, разливая чай. – Это дар Севера... А что касается философии, то не мешало бы поинтересоваться предметом любви.

– Считайте, коллега, что поинтересовался. – Паркер отправил в рот первую ложку варенья.

– Дин! Я влюбился в жизнь! – Голос Калинова звучал торжественно и серьезно.

Паркер воздел руки к небу.

– Алекс, вы меня убили!.. Хотел бы я знать, в кого еще можно влюбиться в нашем с вами возрасте! Ни на что другое мы уже не способны! – Он отправил в рот еще ложку варенья. – Хотя вам, дружище, с вашим внешним видом в самый раз было бы влюбиться в какую-нибудь пигалицу. Отличная получилась бы пара!.. Кстати, что это вы весь в царапинах? Не подрались ли с кем?

– Не без того, Дин, – гордо сказал Калинов. – Не без того. Сегодня я отвесил оплеух больше, чем за предыдущие восемь десятков лет. Не скажу, правда, что все они были по делу, но должен признаться, что занимался я этим с большим удовольствием!

В глазах Паркера загорелся хищный огонь.

– Коллега, вам удалось что-то узнать!

– Удалось кое-что, Дин, удалось... Но сначала вы.

Паркер скорчил кислую мину:

– У нас здесь, Алекс, все пока по-прежнему. Однако чувствую: приближается гроза!.. Крылова со своим адвокатом развила кипучую деятельность, дошла уже до Совета Планеты. Жаловалась на вас: вы, мол, пообещали ей помочь, а сами исчезли... Кое-кто на ее мольбы откликнулся... Нильсон, например, и Олехно. Требуют специального заседания. Меня сегодня задержали – что да как? Нильсон каким-то образом разузнал, что вы без разрешения воспользовались дисивером... Так что, судя по всему, предстоит бой.

Калинов помрачнел:

– И когда предполагается собрать заседание?

– Если события пойдут теми же темпами, то нас с вами призовут к ответу не далее, как послезавтра.

Успею, подумал Калинов, но завтра надо уходить пораньше, чтобы не успели перехватить.

– Ну, а у вас-то, Алекс, какие новости? – нетерпеливо сказал Паркер.

– Новости-слоновости, – пробормотал Калинов. – В общем, это нечто вроде молодежного клуба. Состав, судя по всему, переменный и обновляющийся. Существует клуб уже несколько лет. По крайней мере, шесть...

– Сколько-сколько? – удивился Паркер. – И мы до сих пор ничего не знаем?

– Дело в том, Дин, что они далеко не всякого пускают к себе. А взрослым и вообще дорога закрыта!.. Кстати, сегодня я был свидетелем изгнания одного молодого человека, и, вы знаете, не удивлюсь, если окажется, что они заблокировали его память.

– Вот уж действительно сказки бабушки Арины... Да что они, волшебники, что ли?.. Где хоть их клуб-то находится?

Калинов налил себе еще чаю, собираясь с мыслями, повозил в чашке ложечкой, попробовал на вкус и наконец произнес:

– Увы, коллега, представления не имею. Во всяком случае, это не Земля. Более того, должен признаться, что мне совершенно непонятно материальное обеспечение всего того, что я там наблюдал. Ведь для таких трансформаций требуется бездна энергии. Перестановки декораций производятся мгновенно, обеспечено участие неких живых статистов. Практически полное всемогущество! – Он помолчал немного и продолжал: – Знаете, Дин, какая мысль пришла мне в голову?.. Если даже мы закроем им возможность использования Транспортной Системы – я имею в виду фиктивный индекс – вряд ли эта мера поможет. Ведь в их мире нет джамп-кабин, и тем не менее...

Паркер покачал головой.

– Вы рассказываете удивительные вещи, Алекс!.. На чем же держится их мир?

– А вы не наблюдали утечек энергии в Системе?

– Нет. Если бы такое случилось, мы бы уже давно зафиксировали этот индекс.

– Ну, тогда я просто не знаю, что и предполагать... Разве что все это существует за счет их нервной энергии... Или что они таинственным образом выкачивают параллельную Вселенную.

Паркер нахмурился.

– Коллега, вы делаете сумасшедшие предположения. – Он встал из кресла и прошелся по комнате. – Если все это так, то долг требует, что бы мы подключили Комиссию по науке. Тут же нужна целая программа исследований...

– А вам хочется исполнять этот долг, Дин? – перебил его Калинов. – Только честно!

– Нет, Алекс! Если честно, то такая программа мне не по душе! Не люблю я, когда исследования проводятся на людях, тем более на собственных детях. Слава Богу, эти времена давным-давно миновали.

– Ну, так мы ничего никому и не скажем. – Калинов подмигнул Паркеру.

– Правда?

– Правда, – сказал Паркер. – Все равно никто не поверит. – И он в свою очередь подмигнул Калинову.

Калинов вздохнул и сказал с грустью в голосе:

– Нам-то поверят... Да и говорить об этом послезавтра все равно придется.

– Ничего, коллега, отобьемся. В Совете хватает умных голов... Лучше скажите, что вы записали на этот раз. Дадите посмотреть на ваших суперлюдей?

– Прямо уж и суперлюдей, – проговорил Калинов. – На Земле чудес пока что не наблюдалось! – И вдруг неожиданно для себя сказал: – А показывать-то нечего! Забыл, понимаете ли, включить запись. До того ошалел от неожиданностей!..

Что это со мной, спросил он себя. Чего ради я соврал? Узнала бы Вита... И понял, что эту ложь Вита наверняка бы одобрила.

Он вдруг потерял всякий интерес к беседе. Паркер задал еще несколько вопросов, получил на них короткие односложные ответы и понял, что настала пора уходить. Его слегка удивила внезапная замкнутость друга, но он и вида не подал, что задет.

Проводив Паркера до ближайшей джамп-кабины, Калинов решил немного прогуляться перед сном.

Вечер был хорош до изумления. Редко удается метеослужбе создать такую погоду. Небо на западе постепенно переходит через все цвета радуги от багрянца до темно-фиолетового. Над головой висят первые, еще не крупные звезды. Не шелохнется на деревьях листва, недавно вымытая киберами-дворниками. И тишина такая, что, кажется, весь мир слышит твоё дыхание.

Калинов шел по хранящему дневное тепло тирранитовому тротуару и улыбался.

Черт возьми, думал он. Неужели рядом с нами действительно рождаются суперлюди?! И кто? – наши собственные дети! Когда они успели вырасти из коротких штанишек? Никто из нас этого даже не заметил – так мы все заняты... А они убедились, что мы ими не интересуемся – ведь, наверное, не раз тыкались в нас теплыми носами, как кутята, – и стали искать себе подобных. И нашли. И создали Страну Грез. Как протест против той жизни, которую мы им предоставили...

Когда же все это произошло, думал он. Когда мы совершили подмену?.. Мы говорили им, что они – цветы жизни, что они – наше богатство и наша надежда. И они верили нам. Как же не верить тем, кто их родил, кто их кормил, кто учил их ходить, летать и говорить?.. Так они и росли с верой в будущее и в свое великое предназначение. Жизнь казалась им светлой радостной сказкой, и они должны были стать в ней главными героями... А потом они обнаружили, что на самом деле никому не нужны, что они для всех обуза и только мешают нам... Вот тебе конфетка, и не отвлекай меня, иди к своим куклам. И не плачь!.. Или слушай своих любимых «Приматов» – какая хорошая группа! (тьфу, мерзость!!!) – и не мешай. Разве ты не видишь? Мы переделываем Землю, мы залечиваем раны, оставленные Великими религиозными войнами, мы осваиваем океаны, мы штурмуем Вселенную... На вопросы, которые ты хочешь мне задать, давным-давно найдены ответы, и нет смысла тратить на них время!.. НЕ МЕШАЙ!

А им необходимо тратить время на вечные вопросы – это один из этапов становления личности. И веры нам не стало... Но как без нее жить? Вера очищает людям душу, вера делает мягче сердце... А потом мы еще спрашиваем себя: в кого они, такие жестокие и равнодушные? А они – в нас! Яблочко от яблоньки...

Теперь я понимаю, почему у них такие игры, думал он. Невостребованная энергия души и нерастраченная энергия тела, сдобренные свойственной юности повышенной сексуальностью, медленно и верно устремляются в русло насилия. Пока насилие скрывается за ширмой добрых игр. Но это только пока. Подождем, подождем и дождемся событий сродни Религиозным войнам. Выходки Вампира – яркое тому свидетельство. А это уже страшно!

Боже мой, думал он. Когда же мы перестанем быть толстокожими? Когда будем видеть дальше собственного носа? И сколько мы еще будем создавать себе трудности, а потом гордо, под фанфары, преодолевать их? Мы – мастера лобового удара, крепкие задним умом...

– Почему ты еще не спишь? – спросил его тихий голос.

Калинов огляделся, но рядом никого не было. Только далеко впереди стояла под деревом какая-то пара. Кажется, целовались.

– Не крути, пожалуйста, головой, – произнес тот же голос. – Это я, Вита.

– Где ты? – спросил Калинов.

– В своей постели... Но рядом с тобой.

– А как ты меня слышишь? – спросил Калинов.

– Опять глупые вопросы?.. Я слышу то, что ты думаешь.

– Ты умеешь читать мысли? – спросил Калинов.

– Оказывается, умею... Но я поняла это только сегодня. И слышу лишь то, что ты позволяешь.

– Я хочу тебя видеть, – сказал Калинов.

– Этого я еще не умею. Но научусь, наверное... И ты научишься... – Долгая пауза. – Если очень захочешь.

Уже совсем стемнело, только у самого горизонта, над Маркизовой лужей тянулась желто-зеленая полоса. Послышался какой-то звук, похожий на далекий стон.

– Что такое? – спросил Калинов.

– Это я плачу.

– Зачем?

– Не знаю.

– Где тебя найти? – Этот вопрос Калинов задал мысленно.

– Нет-нет! – прилетел быстрый ответ. – Я не хочу. И мне кажется, ты знаешь... До завтра!

И словно порыв холодного ветра пронесся у него в душе. Как кусок пустоты... Стало мерзопакостно, стыд льдинкой резанул его по сердцу.

Какая же ты сволочь, сказал себе Калинов. Подонок!.. Влюбил ведь девчонку в придуманную тобой личность. Что теперь с девчонкой делать будешь? Как правду скажешь? Или прикидываться начнешь – я не я и лошадь не моя... А что ты там пять минут назад о вере рассуждал? О мастерах лобового удара, крепких задним умом? О трудностях, которые гордо приходится преодолевать?.. Вот ты и создал себе трудности. И, боюсь, преодолевать их придется без фанфар и барабанного боя. Вместо фанфар будут проклятья матери и слезы дочери. А вместо барабанного боя – вопли средств массовой информации... Доказать, правда, никто ничего не сможет... Да и вообще, девка сама во всем виновата...

Он и не заметил, как в своих размышлениях из обвиняемой стороны превратился в потерпевшую. Ведь поскольку он был политическим деятелем, подобные метаморфозы происходили с ним не раз, и не было в них ничего особенного, ничего, что по-настоящему тронуло бы его душу. Ведь столько всего произошло за прожитые годы... Но чем-то его душа была все-таки тронута. Иначе зачем он мысленно позвал:

– Вита!

Ответом ему было черное безмолвие.

И в самом деле, с облегчением осознал он, куда уж мне, столетнему старцу? Гипнозом не спасешься: дисивер не делает тело моложе. Так что не будем заноситься. А равно и заниматься унылым самобичеванием. Ведь на самом деле все одновременно и сложнее и проще. Есть проблема и требуется в ней разобраться. И дать Совету свои рекомендации. А потом спокойно дожидаться смерти... Ну, детки-ангелочки, казачки-разбойнички, завтра я вам устрою проверочку! Будет вам дэй-дримчик – уж не обессудьте!

Он развернулся и отправился домой. Когда он проходил мимо целующихся пар, губы его трогала откровенно презрительная усмешка, но этого в темноте никто не видел. А потом ему попалась знакомая джамп-кабина, и ему вдруг очень захотелось войти туда и набрать искомый индекс, и презрительная усмешка пропала, но этого тоже никто не видел. Он по-стариковски потоптался возле кабины, размышляя над своими желаниями. И так и не вошел. Еще раз вдохнув сладкий вечерний аромат и улыбнувшись самому себе, он отправился спать.

5. ОБРУЧЕНИЕ

Калинов поднялся в прекрасном настроении. Все было решено. Сегодня он должен закончить с этим делом. И нечего усложнять!.. Конечно, закрывать Страну Грез – глупость неопишная, но на место этих ангелочков поставить надо. Настоящие чувства, видите ли, им нужны, глубина... А вы заслужите сначала! И не нытьем да попискиванием, а делом. Как мы!.. Как наши отцы и деды!.. Отцы и деды, правда, делали все по-другому. Но нам, во всяком случае, и в голову не приходило требовать от них чего-то еще.

Он наскоро позавтракал, запустил домашний комплекс на уборку и отправился претворять в жизнь задуманное.

Выскочив на улицу, он поежился. Видимо, метеослужба решила дать городу отдых от тепла и солнца. Утро было хмурое и холодное. Ветер пронизывал насквозь. По небу неслись с запада серые тучи. Деревья шумели и раскачивались из стороны в сторону. Можно было подумать, что в город раньше времени пришла осень.

У джамп-кабины нервно прохаживалась Лидия Крылова. Увидев его, она бросилась навстречу. Калинов остановился, соображая, куда бы от нее спрятаться, но Крылова спрятаться ему не дала. Подбежав, она крепко схватила его за руку.

– Вы извините меня, Александр Петрович, – сказала она. – Не удивляйтесь, я знаю, что вы – Калинов.

– Отпустите меня, – сказал Калинов. – Я никуда не денусь.

Комедия какая-то, подумал он. Мать ловит сбегающего из дома сыночка.

Она отпустила его, но сделала это с явной опаской, и Калинов почувствовал, что если он сделает какое-нибудь резкое движение, она снова схватит его за руку.

– Слушаю вас, Лидия... э-э...

– Сергеевна, – сказала она глухим голосом. – Александр Петрович!.. Саша!.. Сашенька!.. Я знаю, что ты... что вы видите моего Игоря... Я не буду вас долго задерживать... Я только прошу вас... Он уже две ночи не ночует дома... Вы скажите ему... передайте ему... – Она задыхнулась. – Если он не вернется, я умру!.. Так и передайте!

Она резко повернулась и пошла прочь, низко опустив голову. Было видно, как вздрагивают ее плечи.

Калинов вздохнул. А ведь и действительно умрет, подумал он. Чего доброго, руки на себя наложит... Ох уж эти человеческие самки! Я бы вообще запретил таким дамам иметь детей... Они не способны их воспитать. Ей-богу бы запретил, только вот есть мнение, что это, к сожалению, негуманно. Знать бы еще, по отношению к кому негуманно...

Он вполголоса выругался, еще раз посмотрел на Крылову и вошел в кабину.

В Дримленде, по обыкновению, было тепло и солнечно. Клод сидел на травке и читал какую-то книгу. Рядом, укрывшись курткой и по-детски улыбаясь, спал Игорь Крылов. Больше никого не было видно.

– Не верти головой, – сказал Клод вместо приветствия. Виты еще нет.

– А я и не ее ищу.

– И вообще никого нет. – Клод оторвался от книги и внимательно посмотрел на Калинова. – Кроме нас. Рано еще. Обычно все собираются часам к девяти.

– А вы? – Калинов кивнул на спящего Игоря.

– Он вообще дома не ночевал. Мать совсем замучила своей ревностью. А я вместе с ним. Человек здесь в одиночку находиться не может.

– А как же утром появляется первый?

– Первого не бывает. Всегда появляются минимум два человека сразу.

Игорь вдруг всхлипнул и пробормотал что-то во сне.

– Несчастный парень! – Клод вздохнул. – Дома мать замордовала. А теперь ты появился...

– А причем тут я?

– Ты что, дурак? Или прикидываешься?.. Он же любит Виту, а она вчера сказала...

– Ладно, замнем, – прервал Калинов. Ему вдруг показались страшными те слова, которые собирался произнести Клод.

– Привет, мальчики!

Калинов оглянулся. Рядом стояла Алла, эффектная как всегда. Больше пока никто не появился.

– О чем болтаем?

– Посиди, девочка, – сказал Алле Клод. – Не мельтеши.

Алла и не подумала обидеться.

– Мне бы хотелось поговорить с тобой, – сказала она Калинову.

Калинов посмотрел на Клода. Тот пожал плечами, отвернулся.

– Слушаю тебя. – Калинов встал с травы.

– Ты не против, если мы поговорим тет-а-тет?

О Боже, подумал Калинов, никак еще одна искательница мужской ласки... Он усмехнулся и сказал:

– Я не против.

– Извини, Клод. – Алла взяла Калинова за руку. – Вот здесь мы и поговорим.

Калинов обернулся. Ни Клода, ни Зяблика сзади уже не было. Наблюдалась кромка довольно обрывистого берега, заросшая незнакомой травой. Алла села, свесив с обрыва красивые ноги, похлопала по траве рядом с собой:

– Устраивайся, Саша.

Калинов устроился, взглянул на искусительницу:

– Вот возьму и столкну тебя!

– Я не утону. – Искусительница смотрела вниз, в неспешно текущую воду, и не было в этой девушке ничего от несчастного, мечущегося подростка.

Калинов любовался ее профилем и все больше убеждался, что рядом сидит уверенная в себе, знающая, чего она хочет от жизни, женщина. Во всяком случае, гладить ее по голове или таскать за уши было так же нелепо, как совать в костер руки.

– Можно задать тебе вопрос?

– Почему бы и нет? – Она повернула к нему лицо, улыбнулась.

Такие улыбки Калинов не раз видел у стоявших под свадебным венцом невест. Казалось, они кричали всему миру: «Вот я и добилась своего! А вы, глупенькие, сомневались!»

– Поведай мне, Аля, что ты делаешь в Дримленде?

Она удивилась, распахнула кукольно-красивые глаза.

– Ведь ты не производишь впечатления несчастной, обиженной жизнью и родителями девушки. Зачем ты тут и почему тебя принимают здесь?

Она вновь улыбнулась – все той же улыбкой, – подняла руку и потрепала его за воображаемый вихор.

– Умненький мальчишечка! – Она сорвала цветок и бросила в воду. – Принимают меня потому, что некоторые гораздо сильнее ощущают свою ущербность, находясь рядом со мной. Нравится людям смаковать, как обидела их судьба. А может быть, нравится греться в лучах чужого счастья.

– Ты хочешь сказать, что счастлива?

Она снова потрепала его за вихор:

– Почти... У меня отличная семья, ни братьев ни сестер, родители, которые во мне души не чают и готовы дочку на руках носить. Хорошее будущее, поклонников – пруд пруди...

– Так зачем же ты тут?

Она вдруг перестала улыбаться, поморщилась, как будто вспомнила что-то неприятное.

– А скучно все!.. Скучно знать, что впереди обеспеченное будущее. Скучно знать, что гарантирована учеба в престижном университете. Скучно знать, что когда придет время, папочка подыщет тебе очень выгодную партию. Скучно знать, что когда муж тебе надоест – а надоест он быстро, – у тебя всегда будет возможность иметь сколько угодно любовников. Все заранее спланировано и обеспечено финансами. Не обеспечены только чувства... Как пошло и как скучно!

– Ты на удивление откровенна! – заметил Калинов. – Не боишься, что я как-нибудь использую такую информацию?

Она смерила его равнодушным взглядом:

– Плевала я на тебя. Я девочка дорогая, меня в обиду не дадут – единственная наследница папочкиных миллионов. Чуть что – от тебя мокрое место останется... Вот только сдаюсь мне, и ты в Дримленде не утешения ищешь от жизни. Больно уж ты уверенный в себе и... скользкий. И если бы мне была нужна уверенность в жизни, я бы все сделала, чтобы тебя захомутать. – Она плотоядно усмехнулась. – А ты бы и не заметил, дурачок!

В последней реплике прозвучал откровенный вызов, но Калинов принимать его не стал. Он смотрел, как медленно уплывает брошенный Аллой в воду цветок.

Ай да мисс миллионерша, думал он. Для чего же ты меня сюда потащила? Может, и в самом деле захомутать решила?.. Ой, девочки, до чего же вам нужна в жизни опора, коли вы на меня скопом кидаетесь! Как мухи на мед... Да только не сладкий я, ох какой не сладкий!

Наследница миллионов лукаво взглянула на него и рассмеялась:

– Что, Сашечка, зацепила я тебя? – Она протянула руку и погладила его по лысине.

Калинова передернуло, но ей-то лысина представлялась заросшей вихрами макушкой, и она распенила все по-своему.

– Ладно, не трясись!.. Не нужен ты мне.

– Зачем же ты меня сюда затащила?

Глаза Аллы хитро блеснули.

– Просьба есть к тебе, миленький... Скажи мне, у тебя с Витяшей серьезно?

Вопрос оказался настолько неожиданным, что Калинов не сумел удержаться.

– А тебе-то какое дело? – воскликнул он грубо.

Она смотрела на него широко раскрытыми глазами. И тут до него дошло. Так вот к кому ты неровно дышишь, красотка, подумал он. Но тут я тебе, увы, ничем не могу помочь.

– Так! – сказала она. – Значит, от нечего делать охмуряешь дурочку. Жаль, не меня... Уж я бы на тебе отыгралась!

– Никого я не охмуряю.

Она посерьезнела, покусала губы. Это волнение показалось Калинову странным. Он молча ждал. Наконец Алла произнесла:

– Мне надо, чтобы ты отбил Виту у Зяблика. По-серьезному отбил, навсегда.

Калинов фыркнул:

– И чтобы я на ней женился. И чтобы парочку детишек с нею смонтировал!

Алла шутку не оценила, нахмурила мраморный лобик.

– Свадьба и детишки меня не касаются. МНЕ надо, чтобы ты увел у него эту рыжую... –

Она не договорила, но Калинов понял, какое слово она хотела произнести.

– Зачем это тебе?

– Экий ты, Сашечка, недогадливый... Я так ХОЧУ!

Калинов помотал головой.

– Я умею платить за услуги. – Она положила ему ладонь на колено.

– Мне не нужно это. Ты опоздала.

– Дурачок! – Она фыркнула. – Я имела в виду деньги.

– Я тоже имел в виду деньги. Ты опоздала.

Лет на шестьдесят, добавил он про себя.

– Я могу много тебе заплатить. У тебя таких денег и не было никогда!

Милая моя девочка, подумал Калинов. Да я бы и безо всяких денег сделал все это. И не для тебя, а для себя! Да вот не могу.

– А почему бы тебе не заплатить прямо самому Зяблику? Уж делать из кого-нибудь жиголо⁴, так по всем правилам.

Она оскорбленно вскинула голову:

– За кого ты меня принимаешь! Мне не сорок лет!

Калинов неторопливо встал, отряхнул брюки.

– Нам больше не о чем разговаривать, Аллочка. Да и времени, я думаю, уже нет. Наверняка ребята начинают придумывать дэй-дримы.

Она тоже вскочила, в бешенстве топнула ногой. Но Калинов не стал ждать взрыва. Взял ее за руку, погладил по бархатной щечке.

– Не могу я, Алла. Видит Бог – не могу!

Успокоилась она быстро. Улыбнулась ему, рассмеялась. И одним движением бровей отправила в никуда речку и обрыв.

Виты все еще не было. Калинов облегченно вздохнул: ему не хотелось, чтобы она видела его совместное с Аллой появление из парного дэй-дрима. Еще неизвестно, как бы она отнеслась к такому событию.

Те, кто уже явился в Дримленд, отнеслись к нему с некоторым удивлением. Но Клод молчал, а в Стране Грез не принято лезть в чужие отношения, и все тут же словно забыли о нарушителях распорядка. Значит, так надо. Отвернулись, засмеялись, загомонили. С любопытством поглядывали на все еще спящего Игоря. Присутствовали несколько совершенно незнакомых лиц. Но Клода эти ребята знали, во всяком случае, здоровались с ним за руку.

– Меня мать не хотела отпускать. Пришлось через окно...

– А мою давно уже не интересует, куда я хожу и зачем. Кроме своих белых мышей ничего вокруг не замечает... Я думаю, если выйти замуж, то она заметит это лишь после того, как я притащу ей внука.

– А мне иногда хочется отца чем-нибудь ударить!.. Может, тогда он поймет, что я уже вырос.

– А моего и бить бесполезно. Он даже на маму перестал обращать внимание, про себя уж я не говорю. А ведь любили друг друга... Эх, скорее бы Праздник совершеннолетия!

– М-да-а... Еще целых четыре года...

– А хорошо, что есть Дримленд! Всегда можно сбежать сюда, правда?

– Да. Я здесь словно очищаюсь... А то порой глаза бы на Мир не смотрели!

В сущности, большинство из них глубоко несчастны, думал Калинов. Проблема старая как мир. Отцы и дети... Но почему она обострилась именно сейчас? Где-то мы дали маху... И я догадываюсь, где. Все это началось после того, как в законодательном порядке отменили ограничение продолжительности рабочего дня... Куда же это мы тогда смотрели? Где были наш опыт и наши знания?.. Как же: наглядное выражение растущей сознательности, люди живут для общества!.. А люди эти обнаружили, что гораздо легче работать по двенадцать часов в сутки на общество, чем потратить хотя бы пару часов на своего ребенка. Потому что это требует гораздо более тяжелого труда – труда души и сердца! И денег за это не платят... Вот тебе и возросшая сознательность, вот тебе и жизнь на благо общества... Оказалось, возиться с металлом, компьютерами и бактериями проще, чем со своим собственным ребенком. Бактериям не нужна любовь, им вполне достаточно питательного бульона...

---

⁴ платный любовник

Тыфу, черт, думал он, предстоит нешуточная битва. Сколько будет контрдоводов! И обвинения в ограничении свободы личности будут еще не самыми серьезными!.. Предложить закон об обязательном участии в воспитании своих детей?.. Но это никогда не делалось по принуждению... Во всяком случае, нужного результата таким путем не добьешься! Уж в этом-то мы уже не раз имели возможность убедиться.

К тому же, думал он, это только малая часть проблемы. А главная часть – совсем в другом. Просто растить своих детей – это только у животных инстинкт. А у людей это такой же талант, как и все прочие виды человеческой деятельности. И, думается, материнство и отцовство должны быть наградой за подготовку к ним. А не как сейчас: приспичило двоим, и – как следствие – она мать, он отец. И почему-то для того, чтобы монтировать силовые установки космических кораблей, надо обязательно получить спецдопуск, а для того, чтобы «смонтировать» человека, достаточно всего-навсего иметь созревшие природные инструменты да уединенную обстановку... Изготовить силовую установку – сложная и ответственная работа, а «изготовить» человека – развлечение и удовольствие. И даже не просто удовольствие, а наслаждение. Награда за бездумность. Что-то тут природа поднапутала... Однако, кажется, все собрались. Пора!

Прибывшие, как обычно, рассаживались кружком. Растолкали Игоря. Тот недовольно что-то проворчал, но поднялся, протирая заspanные глаза. Клод разводил костер. Калинов втиснулся между двумя незнакомыми девушками. От них возбуждающе пахло косметикой, но личики были живенькие и не слишком размалеванные.

– А зачем костер? – спросил Калинов ту, что справа.

– Чтобы легче было сосредоточиться.

Клод сел в круг вместе со всеми. Калинов снова оглянулся. Вита по-прежнему отсутствовала.

Ну что ж, подумал он, это даже к лучшему. С ней мне было бы сложнее. Тяжело ломать комедию с тем, кто тебя любит.

Он сосредоточенно стал смотреть в костер.

Сегодня будет мой дэй-дрим, думал он, как бы вы ни старались, ребяташечки. Я заставлю вас плясать под мою дудку. Вы уж меня извините!

Он сунул руку за ремень и крепко сжал пальцами дисивер, усиливая интенсивность гипнотического воздействия. Так прошло несколько минут. Наконец все опять зашевелились, загомонили.

– Как думаешь, чей дэй-дрим сегодня победит?

– Не знаю... Но наверное, Клода. Он сегодня в последний раз. Завтра уходит в Мир. Так что сегодня должен состояться обряд обручения Клода с жизнью.

– Клод уходит?

– Да... А чему ты удивляешься? Всем нам когда-нибудь придется уйти... Дримленд ведь не для взрослых, ты же знаешь.

– А тебе не жаль?

– Конечно, жаль, но ничего ведь поделаешь... А потом, знаешь?.. Может быть, когда мы станем взрослыми, все изменится? Ведь не может же быть, чтобы так все и осталось!

Как же, изменится! – думал Калинов. Это вы, девочки и мальчики, изменитесь. И каждый из вас уже не будет мнить себя центром Вселенной. Ведь в этом и заключается взросление... Ладно, сейчас будет вам обряд обручения с жизнью!

И свершилось. Исчез костер, пропали юные лица вокруг.

За окошком, забранном толстой решеткой, синее небо и светит солнце. Только что из камеры вышел священник, оказавшийся не у дел, потому что заключенный, увы, безбожник. Заскрежетала тюремная дверь. Пришли. За мной. В последний раз отсчитаю четыреста восемьдесят две ступеньки по лестнице. Никто ничего не говорит. Но я-то знаю, что это не на про-

гулку. Безликие фигуры. Просто какие-то люди. Да и не люди вовсе. Материальное обеспечение, выполняющее мою волю. Люди там, снаружи. Ждут, пока приведут преступника. Ну что ж, я иду. Считаю ступеньки. Обычно я спотыкался на сто двадцать третьей. Сегодня не споткнулся. Сегодня все не так. Тихо в других камерах. Не слышно криков пытаемых, политические не славят Аллаха. Не бегают серые, как мыши, охранники. Неужели все это из-за меня? И снаружи тихо. Не слышно рокота двигателей. И не слышно выстрелов. Наверное, все выстрелы приготовили для меня... Со скрипом открывают дверь во двор. И я выхожу. Пока прячу лицо. Вот они стоят. Все как один. В руках автоматы. Справа безликий офицер. Материальное обеспечение... Зачитает приговор и даст команду. Ага, вот оно. Узнали. У Клода затряслись руки. Флой закрыла глаза. А у той – кажется, ее зовут Ирена – появились слезы. Игорь опустил ствол автомата... Вот так-то, ребята. Вот вам обручение с жизнью. Вы думали, что придется расстреливать анонимного преступника, врага нации. А тут ваш приятель, друг ваших друзей, и вы абсолютно точно знаете, что он ни в чем не виноват. Ведь это просто делается. Донос. Можно даже без подписи. И если хоть что-то было... А «что-то» бывает всегда. Рассказывал анекдоты про любовные похождения вдовствующей королевы. К примеру. Или в душе желал поменять Христа на Аллаха. И даже, если не было ничего, – все равно!.. И вот ведут к стене. И вам предстоит брать на мушку друга. И нажать на спуск. А если не сделаете, встанете у той же стены. Но не рядом с ним. Каждый в отдельности. Стадом и в могилу не страшно идти, но вы будете один на один со смертью. И вы это знаете... Безликий читает приговор. «Враг нации... участие в распространении... приговаривается к уничтожению... просьба о помиловании... Товсь!» Мне жаль вас, ребята. Потому что после этой игры детство у вас кончится. Потому что через час вы будете ненавидеть друг друга. По-настоящему. В жизни, а не в игре. И больше вы не будете встречаться. Потому что невозможно дружить с человеком, который был свидетелем твоей трусости. Хоть и сам он трус!.. И нет больше ваших лиц. Есть только черные глаза автоматов, пристально разглядывающие меня. «Пли!» – кричит материальное обеспечение. Надо собраться. Чтобы пули срикошетили вверх, а не в стороны. Еще покалечу кого-нибудь... Но что это? Что это?! Выстрелов нет... «Пли!» – надывается безликий. А выстрелов нет... «Пли!» А автоматы дрожат... «Расстреляю!» И стволы задираются вверх. Под детские подбородки. Сейчас будут выстрелы. Спаси Господь тебя, Калинов, после таких выстрелов!

– Стоп! – заорал Калинов. – Стоп!!!

И все исчезло. Перед глазами снова луг, дотлевающий костер, солнце, на горизонте далекий лес.

Калинов опустился на траву – так дрожали колени. Все остальные стояли. Неподвижными глазами смотрели в пространство. Молчали. Не знали, куда деть руки. Кто-то громко всхлипнул.

Калинов устался в землю. Ему было нестерпимо стыдно.

– Да-а, – сказал Игорь Крылов скрипучим голосом. – Хотел бы я знать, чей это был дэйдрим...

– И я, – отозвался Клод. – Уж я бы ему выписал напоследок. От всей души...

– Я знаю, – выкрикнул знакомый голос.

Калинов поднял голову. Между ним и остальными стояла Вита. Лицо ее было искажено болью.

– Ты!.. – говорила она. – Ты!.. Я ненавижу тебя!.. Пр-ровокатор!

Она заплакала. Громко, по-детски, захлеб.

– Ненавижу! – выкрикивала она сквозь рыдания. – Ненавижу!

Калинов встал. Он явственно почувствовал, как в одно мгновение между ним и остальными пролегла стена. Стена невидимая и непреодолимая. Пока непреодолимая...

– Простите меня, ребята, – сказал он, ни к кому не обращаясь. – Я должен был это сделать. Они молчали. Никто на него не смотрел. Как будто его здесь и не было. Никогда.

– Жизнь – это не детские игры, – говорил он. – Жизнь часто бьет по физиономии... И отнюдь не букетом цветов.

– Зачем? – растерянно спросил Клод. – Зачем все это? Разве мы не понимаем?

– Уходи! – крикнула Вита. – Уходи! У тебя душа старика!

Калинов пожал плечами.

Все-таки они молодцы, думал он. И ни в коем случае нельзя бросать их на произвол судьбы. Но разговаривать с ними надо на их языке. А для этого нужно опуститься до одного уровня с ними... Или подняться – не знаю, что уж окажется правильнее. И я буду не я, если не сделаю этого.

Они молча смотрели на него. Только Вита не смотрела. Они закрыли ее от него стеной своих тел, и он слышал только ее плач. Они смотрели на него и молчали, и он понял, что его изгоняют. Как вчера Вампира. Потому что обманулись. Потому что он не оправдал их доверия.

Неужели моя вина столь велика, что даже ты не простишь меня, спросил он мысленно Виту. А не дождавшись ответа, не удивился, когда вокруг помимо его желания стал стремительно сгущаться серый туман.

Наверное, на его месте сейчас должен был бы стоять Клод. Наверное, таким вот образом и заканчивается обряд обручения с жизнью. Но Клод наверняка ушел бы с другим настроением.

Когда он исчез, Вита заплакала еще громче и безутешней. Остальные растерянно смотрели на нее, не зная, чем можно помочь. Только Алла ласково гладила Виту по голове.

– Не плачь, – приговаривала она. – Не плачь. Мы же выставили его. Теперь он оставит тебя в покое.

– Нет! Я не хочу, чтобы он оставил меня в покое. – Слова прорывались сквозь рыдания, падали, как крупные капли грозового дождя. – Я люблю его! Люблю!

– И правильно, – приговаривала Алла. – И люби! Он еще не закаменел. Из него еще вполне можно вылепить человека. Так что люби себе на здоровье!

Калинов всего этого уже не слышал. Сердце его билось по-иному, не так, как вчера. Перед ним вновь был пульт джамп-кабины с мигающим сигналом «Вы ошиблись в наборе индекса». А снаружи стояла Лидия Крылова. Она смотрела на него с надеждой и страхом.

– Все будет в порядке! – весело сказал он и подмигнул ей.

Он дождался, пока она поверила и улыбнулась ему. Тогда он улыбнулся ей в ответ и пошел прочь, насвистывая бравадный мотив. Но сердце его сжималось от неожиданно навалившейся тоски.

– Нет, Алекс, вы были просто великолепны! Я давно уже не слышал такой страстной речи!

Калинов сидел на скамейке, а Паркер возвышался над ним, вскидывая в восторге руки и тряся лохматой головой.

– Чем же закончилось голосование? – спросил, волнуясь, Калинов, но Паркер словно его не слышал.

– Как вы схлестнулись с Нильсоном! – громыхал он. – Скажу прямо: я даже не ожидал от вас, обычно такого спокойного и выдержанного, столь бешеного темперамента!.. И когда вас удалили с заседания, добрая половина зала – не меньше – кричала: «Долой председателя!»

– Да ну их, в самом деле! – проворчал Калинов. – Не могут понять, что запретить проще всего... Разобраться труднее! Тем более, что сами во всем виноваты. Дети-то тут причем?

– Да уж, создали мы им жизнь! – сказал Паркер, усаживаясь на скамейку рядом с Калиновым.

– Вот лучшие из них и пытаются сбежать от такой жизни, – заметил Калинов. – Из тех же, кто не пытается, ничего и путного, как правило, не выходит... Так, щенки, привыкшие ходить на поводке!

Паркер с интересом наблюдал за ним. Действительно, какой темперамент, какая порывистость! Что стало с Калиновым? Всего несколько дней с молодыми, и словно подменили человека.

– Так чем же все-таки закончилось голосование? – спросил Калинов.

– А чем же оно должно было кончиться? – Паркер снова вскочил на ноги и маятником заметался перед Калиновым. – Конечно же, ваше предложение победило! Слава Богу, Совет состоит не из одних Нильсонов.

Калинов вдруг ощутил внутри пустоту. Ну вот и все, подумал он. Битва мнений окончена. Не надо больше готовить речей, подбирать аргументы и контраргументы. Не надо опасаться политических соперников. Фиктивный индекс не закроют! Победа во всех направлениях!.. Только почему же мне так грустно?

Над городом повисло ласковое августовское солнце. По улицам сновали озабоченные граждане. Озабоченные чем угодно, но только не своими детьми.

– Пойдемте к нам, Алекс, – сказал Паркер. – Нам тоже нужны психологи. С вами всегда чертовски приятно работать.

– К сожалению, ничего не выйдет, Дин, – ответил Калинов. – Полчаса назад я отправил в Комиссию просьбу вывести меня из состава Совета. Так что с психологией покончено...

Он вдруг замолчал. Паркеру показалось, что друг к чему-то внутри себя прислушивается.

– Коллега! – возмущенно сказал Паркер. – Но ведь это похоже на бегство!.. Заварить такую кашу и... Кому же, как не вам разгрести это болото?!

– Увы, Дин, – сказал Калинов, и было в его голосе что-то такое, что Паркер сразу понял: решение принято, и разубеждать Калинова бесполезно.

– Чем же вы собираетесь заниматься?

– Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам... Разгрести болото можно и с другой стороны.

Теперь Паркер удивился твердости, которая прозвучала в голосе друга. Сказал – как отрезал! Ни капли сомнения.

Над старинными зданиями разнесся грохот: на Нарышкином бастионе Петропавловки отменила полдень пушка.

– Не пора ли снимать дисивер, Алекс? – спросил Паркер. – Или вам понравилось ходить в семнадцатилетних юнцах?

– Саша! – раздался вдруг сзади девичий голос.

Паркер обернулся. На мостике через Фонтанку стояла та самая девушка, которую он видел в записи с рекордера. Рыжеволосая принцесса в зеленом платье с глазами цвета изумруда...

Калинов встал и протянул Паркеру руку. Тот крепко пожал ее.

– Прощайте, коллега! – сказал Калинов. – Желаю вам удачи! Будем чистить болото с противоположных сторон... Я снял дисивер еще вчера вечером, после изгнания с заседания Совета.

Паркер застыл на месте, открыв рот и забыв опустить руку. Калинов повернулся и побежал туда, где ждала его принцесса.

– Александр Петрович! – крикнул Паркер.

Но Калинов его уже не слышал. Легкими прыжками он неся по Невскому, а худенькая девушка бежала ему навстречу, и ветер развеивал рыжие длинные волосы.

И тогда Паркер отвернулся и пошел в противоположном направлении. Через несколько шагов он оглянулся. Калинов и девушка шли назад, к мосту. Над ними с криками носились чайки. Бронзовый конь вставал на дыбы. Девушка доверчиво прижималась к Калинову, а тот мужественно расправлял узкие юношеские плечи.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ОБРЫВАЮЩИЙ НИТИ

*...и дрожью незаметной Колеблет ветер нить, порвать пытаюсь
тицетно; Она крепка, тонка, прозрачна и проста.
Зинаида Гиппиус «Нить»*

1. ДЕТИ «СОЛОВЬЯ»

Вчерашний выходной Калинов провел с детьми. Погуляли в лесу, набрали грибов, потом сходили на берег залива и часа два бросали камешки в воду – у кого больше «блинчиков» получится. Когда вернулись, теща организовала обед по-домашнему – угостила жареной картошкой с грибами. Пообедали с удовольствием: даже Сережка не ныл, что такой еды не хочет. О Вите Вирджиния не заговорила ни разу.

Неделю назад Вита умчалась на Марс. Ее ждал месяц беззаботной жизни в Эолисе – одном из модных марсианских курортов. Неделя – срок небольшой, однако Калинов уже затосковал. Наверное, поэтому нынешнее утро оказалось таким хмурым и безрадостным. И, наверное, поэтому Калинов решил совершить сегодня на службу живой визит, хотя дела и не требовали подобного героизма.

Он тосковал, делая зарядку на лоджии, тосковал за умыванием и бритьем, однако, позавтракав, должен был сказать себе правду: тоскует он не по Вите, а всего лишь по ее телу.

Разлука с Витой была не худшим поворотом, особенно теперь, когда между ними наметилась странная, непривычная трещинка – а Калинов чувствовал ее уже месяца три. Поэтому они впервые в совместной жизни решили провести отпуска в разное время и отдельно друг от друга: проживут какой-то срок в разлуке, глядишь, все и образуется... Накануне отъезда Вита отвезла детей к бабе Джинджер – если уж освободить мужа от семейных забот, так до конца.

Перед уходом Калинов связался с ними. Сельма и Сережка уже успели поспорить, можно ли сейчас добраться вплавь до Кронштадта; выкупаться в бассейне; передрататься под душем; помириться; умять завтрак. Обо всех этих успехах отцу было доложено наперебой и с восторгом.

– Смотрите, не балуйтесь в джамп-кабине, – напутствовал детей Калинов.

Потом на экране появилась баба Джинджер. Отношение Вирджинии к Калинову всегда было не совсем ему понятным, каким-то заискивающе-покровительственным и не слишком теплым, но Калинов не обижался: он и сам понятия не имел, как должна относиться теща к зятю, который сказочно вдвое старше ее. Они обменялись парой ничего не значащих фраз, и Вирджиния отправилась провожать внуков в школу, потому что они, увы, еще не доросли до того возраста, когда джамп-кабина станет отзываться на их команды.

Запирая двери квартиры, Калинов ощутил, что ему не хватает прощального поцелуя, которым Вита ежедневно одаривала его при утреннем расставании. Мотнул головой – ощущение было сродни занозе. Чтобы отвлечься, прошел мимо лифта и побежал вниз по лестнице, вслух считая ступеньки. Как часы разлуки... Выйдя из подъезда, уважительно раскланялся с соседкой, спешащей домой после утреннего моциона.

Соседка жила здесь уже лет тридцать, хорошо знала старого Калинова и первое время с подозрением поглядывала на Калинова-юнца. Однако с расспросами не приставала. И не удивительно: любопытно, чем бы она могла поинтересоваться? Куда исчез хорошо ей знакомый А.П.Калинов и почему принадлежащую ему квартиру занял молодой человек с таким же именем?.. На что означенный молодой человек посоветовал бы ей связаться с ближайшим терминалом Глобального Информационного Банка. И узнать, что член Социологической комиссии

и Совета Планеты, лауреат Нобелевской премии милосердия, действительный член нескольких академий кавалер Ордена Почетного Легиона и Золотой Медали «Kindness»...⁵ заслуженный... скончался в возрасте девяноста восьми... светлая память навсегда... И дата смерти совпадает с датой открытия Дримленда. Так что приобретение опустевшей квартиры новым хозяином является вполне своевременным. Что же касается имени, то его соседка могла и не знать. Разница в возрасте между ними была такой, что представляться при первой встрече он посчитал невежливым. И при второй – тоже... Кроме того, и появлялся он в этой квартире только тогда, когда Вита по служебным делам покидала Землю и ему становилось неуютно в Кокорева, хотя вид на Ладогу лишь немногим отличался от вида на Маркизову лужу... И в конце концов, он мог быть родственником того Калинова...

Немногие знали правду об А.П.Калинове. Знала Вита, но всегда говорила, что сердцем в это не верит. Со слов дочери знала Вирджиния, но та вообще не определилась: верить или не верить, – и иногда верила, иногда не верила, а иногда и вообще старалась позабыть об этом. Знал Дин Паркер, так помогший Калинову в истории с Дримлендом. Знали отдельные члены Совета Планеты. Отдельные...

Калинов вспомнил, как несколько лет назад умирал Паркер. Калинов прибыл к нему перед самым концом. Паркер был крепким мужиком, умирал в сознании и утерять контроль над собой лишь однажды, за несколько минут до смерти. Ненависть, вспыхнувшая в его взгляде, была столь сильна, что Калинова бросило в дрожь.

– За что? – воскликнул Калинов.

Но Паркер уже взял себя в руки.

– Простите, Алекс, – прошептал он.

Калинов вздохнул:

– Это вы меня простите, Дин!

– Не за что, – прошептал Паркер. – Вы ни в чем передо мной не виноваты.

И все-таки глаза его говорили совсем другое.

Когда же они, наконец, остановились, Калинов вдруг невольно подумал о том, как хорошо, что так мало людей знают его историю. И что все они преклонного, в основном, возраста.

А теперь из знавших все и до конца остался лишь один. Этот человек был непосредственным начальником Калинова, и звали его Пол Рассел.

Десять лет назад, перед самым рождением дочери, Калинову приснилось, что он умер. Странный сон оказался, тем более что героем его был не Калинов-нынешний, а тот Калинов, первый, лауреат, кавалер и прочая.

Странный оказался сон, материальный, как суперсинема. Тело старого Калинова лежало на постели, привычное, знакомое и в то же время полузабытое. Как давно покинутый родительский дом... Тело лежало мертво-неподвижно, устремив на него пустой взгляд остановившихся глаз, а он, Калинов-новый, беззаботный, как новорожденный ребенок, воздушным шариком парил над умершим и все время подавлял в себе неуместное желание показать трупу нос.

Потом он понял, что не просто парит над телом, а медленно поднимается вверх, все выше и выше, в Никуда, в Вечность; покинутое холодное тело становится все меньше, и только пустой взгляд не отстает, упорно тянется за Калиновым, словно последнее «прости», словно единственная нить, связывающая его с собственным прошлым...

А затем он проснулся. И обнаружил, что того, обыкновенного страха, с которым, как правило, просыпаются среди кошмара, на этот раз не было. Лишь светлая грусть касалась души, как тогда, когда в последний раз встретился с умершей вскоре матерью и, прощаясь с ней, знал, что следующей встречи уже не будет.

---

⁵ The kindness (англ.) – доброта

Он открыл глаза, долго смотрел в темноту, и не было ни одной мало-мальски законченной мысли, и никаких привычных чувств. Только СВЕТЛАЯ ГРУСТЬ...

Собственно говоря, живого визита на службу сегодня вовсе не требовалось. Дела в производстве были какие-то мелкие: нарушение непрерывности между школами первой и второй ступени в Хельсинки, провалы социальной работы в Твери и тому подобное. Дела эти отношения к отделу Пола Рассела не имели. Вот если бы в Твери произошли очередные вылазки монистов... Но за отсутствием своих сложностей помогали коллегам. Этим можно было заниматься прямо дома, однако на холостяцкой квартире рабочее место отсутствовало, а на Ладогу возвращаться не хотелось. Кроме того, вчера с Калиновым связалась вдруг Аллочка Крылова, напросилась на личный разговор, и такой разговор Калинов решил провести в служебной обстановке – «мисс миллионерша» в последние годы стала «девочкой-закачаешься», и не хотелось давать недоброжелателям поводов для домыслов. Вита порой ревновала мужа к Алле, они и дружить-то перестали, как казалось Калинову, именно по этой причине. Вот родила бы хоть одного, посмотрела бы я на твою точеную фигурку, сказала как-то Вита в минуту откровенности. Впрочем, встречались они редко...

Выйдя из служебной джамп-кабины на пятнадцатом этаже здания Социологической комиссии, Калинов спустился к себе. В бюро дежурил сегодня заместитель Калинова Рэн Милбери, работал с тейлором. Остальные находились в бегах: мелкие дела тоже требуют суеты. Поздоровались, перекинулись парой фраз о прошедшем уик-энде. Потом Калинов отправился в свой кабинет.

Он не был тут почти неделю, и кабинет выглядел нежилым. Впрочем, пыли нигде не наблюдалось: автоматика действовала исправно. Он поднял шторы на окнах, впустив внутрь сентябрьское солнце, и просмотрел поступившую за выходные информацию. Ничего интересного: косяком шла текучка, не требующая его участия. До визита Аллы оставалось полчаса, и он ввел в компьютер охраны код на пропуск ее через контролирующие автоматы. Вспомнил, что так и не собрался к Крыловым за прошедшую неделю, хотя вернувшийся из рейса Игорь и приглашал его. Попенял себе и тут же оправдался текучкой и плохим настроением, тем более что Крыловым сейчас и без гостей нескучно, после такого-то перерыва.

Мысли его вернулись к жене. Трещина не давала покоя. Он никак не мог понять, в чем ее суть. Ведь он же по-прежнему любит Виту, да и она его тоже. Должно быть, просто слегка поднадоели друг другу, ну ничего, разлука лечит: вот он уже и заскучал по ней. Пройдет еще неделя – и все образуется.

Шеф вызвал его около полудня. Посмотрел с дисплея строго и укоризненно, словно застучал за чем-либо неподобающим начальнику бюро. Например, за думами о жене.

– Ты сегодня на месте? – Рассел тряхнул серебряной гривой волос. – Очень удачно. Зайди-ка ко мне!

Шеф всегда смотрел на него строго и укоризненно, и Калинов догадывался, что это тоже связано с нахождением глубоко старца в молодом теле. По опыту-то он, Калинов, должен был руководить семидесятилетним Расселом, а не наоборот. Но, к сожалению, это лишь вызвало бы массу ненужных вопросов со стороны окружающих и прессы. Помня о ситуации, Калинов в общении с шефом всегда изображал из себя такого шалопаю, чтобы Расселу было легче оставаться строгим отцом-командиром.

– Что случилось в доме Облонских?

Шеф, по-видимому, не знал, кто такие Облонские, и оставил вопрос без ответа.

– Присаживайся.

Калинов сел и вздохнул: шалопаю сегодня почему-то не вытанцовывался.

– Вот какое дело, Александр... Чем ты сейчас занят?

Ерундой, подумал Калинов.

– Социальная работа в Твери. Просчеты тамошнего руководства... Школьные склоки в Хельсинки. Просчеты тамошнего руководства...

Рассел почесал бровь:

– Это ведь не по твоему бюро.

– Помогаем коллегам. Благо есть такая возможность.

– Пристойное занятие! Пусть помощью занимаются твои сотрудники, а тебе предстоит другое. – Он на секунду задумался. – Ко мне обратились коллеги из Космической комиссии. У них этим летом неожиданно скончались двое ребят.

– Хорошенькое дело! – сказал Калинов. – Мы что – врачи? Причем здесь отдел аномалий?

– Нет, мы не врачи, – спокойно сказал Рассел. – И неожиданная смерть двух человек – еще не аномалия. Но разве не с подобного уровня фактов нам удалось выйти на Альянс Воинствующих Теофилов?.. В конце концов, мы еще и просто должны отреагировать на обращение Космической комиссии. Чисто по-чиновничьи...

– Согласен, – сказал Калинов.

Все это и ему件нятно, подумал он. Но сьершиться-таки удалось.

– Коды дел я уже передал на твой тейлор, – продолжал Рассел. – Если ничего подозрительного не обнаружится, подготовишь аргументированный ответ. Вопросы?

Калинов помотал головой.

Дела были какие-то дурацкие. Ничего неясного, кроме самого факта скоропостижной смерти. Один из умерших был найден в собственной постели. Тревогу поднял домашний робот, когда хозяин утром не вышел к завтраку. Врачи зафиксировали остановку сердца. Никаких телесных повреждений, следы ядов и наркотиков отсутствуют. Некроисследования показали повышенное содержание адреналина в крови перед смертью. Возбудили уголовное дело, которое на днях и закрыли, потому что никаких следов присутствия в квартире кого-либо постороннего в тот вечер не нашли. Робот подтвердил это, хотя и показал, что, по его мнению, хозяин все-таки с кем-то разговаривал. Именно так: никого не было, но с кем-то разговаривал...

Смерть второго обставлена подобным же образом. Единственная разница: взамен собственной квартиры номер в отеле. Все остальное – тем же порядком. Вместо робота – горничная. Уголовное дело также пришлось закрыть. По-видимому, два закрытых дела подряд не понравились кому-то в Космической комиссии.

Калинов посмотрел голографии умерших. Молодые ребята, кровь с молоком, таким жить бы еще лет пятьдесят-шестьдесят. А на другой работе – и все восемьдесят.

Он запросил анкетные данные. Так. Стефан Андерсон, Шеллефтео, Второй Космический Флот, оператор энергетических установок, общий стаж работы – восемь лет, стаж в Первом Космическом Флоте – семь лет... Так, значит, год, как вышел из каботажников... Семейное положение – холост... Посмотрим другого. Так... Тасиро Накаяма, Осака, Второй Космический Флот, инженер по коммуникациям, общий стаж работы – восемь лет, стаж в Первом Космическом Флоте – шесть лет... Ишь ты, этот оперился немного раньше... Ну-ка, а возраст?.. Тринадцатого года рождения, обоим по тридцать три, практически ровесники ему, Калинову-теперешнему, жить бы да жить... Летали вместе?.. Нет. Один приписан к лихтеровозу с игривым названием «Пинк винд», второй – к некоему «Посейдону», о котором больше не сказано ни слова. Что это за «Посейдонище»? Название знакомое... Запросим... Так. Здесь требуется спецдопуск. Nate вам спецдопуск... Ах, вот оно что? Сие тот самый «Посейдон», который был заподозрен в ядерной бомбардировке Урана, была там какая-то темная история... Если память не изменяет, этот «Посейдон» развозил матобеспечение по орбитальным исследовательским станциям больших планет. Полтора года назад прибыл к Миранде. Тогда и был зафиксирован ядерный взрыв в атмосфере Урана. Проведенное расследование результатов не принесло. Запасы исследовательских зарядов на станциях и на корабле оказались нетрону-

тыми, и что это был за взрыв, выяснить так и не удалось. А информацию засекретили. Во избежание волнений общественности... Может, и зря – не мне судить...

Так. Данные медицинских профилактических осмотров. Рост... Вес... Объем легких... Давление... Сексуальный коэффициент... Вывод: здоров. Здесь?.. Здоров. Отлично! Два здоровых тридцатитрехлетних мужика помирают в собственных постелях без видимой причины... Стоп! Возраст один, не однокашники ли? Сейчас проверим... Андерсон. Космическая Академия, Бернское отделение. А Накаяма?.. Сурабайское отделение. Не то, не видно никакой связи... Посмотрим послужные списки. Андерсон. 38-й год, орбитальная станция «Нахтигаль», стажер... Далее Луна, база «Мун-3», вахтовый энергетик... Далее орбитальный стационар «А», энергетик системы ретрансляции... И наконец лихтеровоз «Пинк Винд». Ясно. Теперь Накаяма... Оп-па, орбитальная станция «Нахтигаль», стажер... Вот и первая точка соприкосновения, этикие дети «Нахтигалья»... Что же это за «Нахтигаль»? Знакомое словечко, «соловей», что ли, по-немецки? Дети «Соловья»... Посмотрим на этого соловья... Так, орбитальная станция модульного типа, предназначена для стажировки выпускников Космической Академии, начало эксплуатации – 21-й год, четверть века этому соловью, технические параметры нас пока не интересуют. А вот что у него за дети – любопытно... Ага, экипажи. Смотрим 38-й год... Так. Руководитель – Рафаэль Мартинес, Барселона; стажеры – Стефан Андерсон, Шеллефтео... хорошо... Юрген Бойль, Гамбург... отлично... Джон Формен, Молта, штат Огайо... превосходно... Что? Что-что??? Игорь Крылов, Санкт-Петербург?!

Калинов почувствовал, как спина его покрылась холодным потом. Теперь утренний визит Аллы предстал перед ним совсем в ином свете.

«Мисс миллионерша» появилась ровно в половине десятого. Выглядела она явно невесту, и Калинов слегка затруднился в выборе подходящего тона. Молча пожал протянутую вялую руку, усадил в кресло.

– Ну привет! Что стряслось?

– Не знаю, Саша. Сама ничего не понимаю. Вижу только, что с Игорем происходит странное.

– С Зябликом странное?.. Он же звонил мне во вторник, в гости приглашал, да я так и не собрался... У вас же сейчас медовый месяц должен быть!

Она не приняла шутки, не улыбнулась, не стрельнула кокетливо глазками. Лишь протяжно вздохнула, и вздох сей Калинову совершенно не понравился. Этот вздох никак не мог принадлежать Аллочке Крыловой.

– Ну-ка, давай успокоимся, и Расскажи мне все по порядку. Хорошо?

Наливая в стакан воду, он вспомнил, как семнадцать лет назад вот так же сидела перед ним женщина. Женщину ту звали Лидией, но она тоже говорила ему о Зяблике.

– Он вернулся в прошлый понедельник, – сказала Алла, судорожно выглотав воду.

– Куда он ходил?

– К Нептуну. Экспедиция продолжалась полгода.

Точно, вспомнил Калинов. Он же говорил мне, когда звонил. Мог бы и запомнить, пожалуй. Хорош друг!..

– Так он тебя на руках должен носить!

Она опять не приняла шутки.

– Он и носил. Целых три дня – вторник, среду и четверг. В пятницу я вдруг почувствовала: его что-то тревожит. Он старался скрыть тревогу, шутил, смеялся, но я ведь чувствовала... А в субботу он сбежал. – Она грустно улыбнулась.

– Как это – сбежал?

– С утра мы поехали на монорельсе в Павловский парк. Все было хорошо. Потом он опять встревожился. Я спросила, что с ним. Ничего, говорит, все в порядке, хорошо-то как на Земле... А потом, когда мы переходили Чугунный мостик через Славянку, он вдруг закрутил

головой, обернулся, посмотрел назад, потом на меня, да как бросится бежать. Я за ним, кричу: «Игорь! Игорь!» – но конечно не догнала. Видела, как он растолкал очередь у джамп-кабин и...

– А кто там был, сзади?

– Где?

– Ты сказала, на мостике он посмотрел назад.

– Да никого там не было. Ветер пыль крутил... Я тоже обернулась, когда у него лицо изменилось. Никого... А вечером он позвонил мне из Кочабамбы, пьяный...

– Откуда?

– Из Кочабамбы. Это где-то в Боливии... Сказал, чтобы я не беспокоилась, с ним все в порядке... Но мне показалось, что он чего-то боится... Саша! Почему он так? Ты бы поговорил с ним. – Она судорожно схватила Калинова за руку. – Может, его кто-то преследует?

– Кто может его преследовать? – Калинов мягко пожал ей пальцы. – Кому он нужен? Он не террорист, не проповедник очередной религии, женат на одной... Чепуха!

– Что же он, по-твоему, сошел с ума? – Она с возмущением посмотрела на Калинова.

– Да ну! Я так не думаю. – Он положил ей руку на плечо. – Сделаем таким образом. Когда он появится дома, пусть мне позвонит... Впрочем, нет, пожалуй. Лучше ты позвони. Я с ним обязательно поговорю. Заодно и в гостях у вас наконец побываю. А то хороши друзья: уже три года не виделись, хоть и живем в одном городе... А всякие мысли, будто Зяблика кто-то преследует, выброси из головы. Это чушь!

Они поговорили еще немного, она поинтересовалась, как дети. Калинов поблагодарил, с удовольствием рассказал. Потом спохватился и спросил:

– А вы-то не сподобились за эти дни? Пора бы уж...

Она поджала губы, высокомерно вскинула подбородок.

– Зачем нам? Дети портят фигуру!

– Ну-ну, – сказал Калинов и замолчал.

Говорить было больше не о чем. Он проводил ее до ближайшей общественной джамп-кабины и вернулся обратно.

Что могло произойти с Зябликом, думал он. Не сошел же он, в самом деле, с ума! У работающих во Внеземелье психика – будь здоров! Слабых в космонавты врачи не пропустят, да и сам он медик... А может, все гораздо проще: нашел себе пессию в заоблачных высотах. Сказать правду – кишка тонка, – вот и разыгрывает перед Аллой комедию... Давно надо было детей завести! Нет, вбили себе в голову, что детей у внеземельщиков быть не должно, нечего, мол, мутантов плодить неизвестно в каком колене... Да, надо будет поговорить с парнем. Друг я ему или не друг? Сначала с ним, а потом и с Алькой. Фигура ей, видите ли, дороже... Пора бы и повзрослеть – десять лет уже женаты!

Он вспомнил, как стоял в сказочном лесу Дримленда, как Зяблик наводил на него арбалет, и улыбнулся. Что-то я сегодня излишне сентиментален, подумал он. Скорее бы вернулась Вита... А что понесло Игоря в Боливию? Может быть, дело связано с остатками наркомафии?... Ерунда, конечно, – Зяблик и наркомафия, – но надо будет проверить. Береженого Бог бережет! Ведь каким-то образом наркотики во Внеземелье попадают...

Он вызвал Милбери и дал ему задание разыскать Крылова. Не спеша, не в ущерб другим заданиям.

Пятым и последним в списке стажеров был Тасиро Накаяма, Осака. Калинов откинулся на спинку кресла.

Итак, Зяблик находился в тридцать восьмом году на борту «Нахтигалья». Кого же он увидел в Павловском парке? И почему скрылся от жены?

Калинов вскочил и выбежал из кабинета. Милбери по-прежнему сидел за своим тейлом. Отдыхал парень от суеты обычных дней.

– Рэн! Я просил тебя разыскать мне Крылова.

Милбери сделал большие глаза:

- Но вы же сказали: по мере возможности, не в ущерб основной работе.
- Рэн! Я передумал, теперь это архисрочно!!! Обстоятельства изменились.
- Понял, шеф! – Милбери проникся. – Сейчас отыщем, шеф!

Калинов вернулся к себе, запросил адресные данные Джона Формена и Юргена Бойля. Ни тот ни другой информации о себе не блокировали, и ГИБДД выдал все, что нужно, в течение полуминуты.

Сначала Калинов связался с Гамбургом. Домашний робот доложил ему, что Бойль отсутствует. Извините, герр, информации о своем местонахождении хозяин не оставлял, может быть, желаете что-нибудь передать хозяину, и так далее... Калинов попросил передать хозяину, чтобы тот позвонил по такому-то номеру, дело крайне важное, заранее благодарю, герр Бойль, и тому подобное...

Как только экран погас, он связался с Молтой, штат Огайо. Там работал автоответчик. Формен оказался дома, но он спал и собирался проснуться в половине восьмого. Калинов поблагодарил за информацию и, ничего не попросив передать, откланялся. Связавшись со Службой времени ГИБДД, он определил, что раньше пятнадцати часов Москвы беспокоить Формена не стоит. И оставшиеся до этого момента два часа весьма неглупо было бы потратить на обед.

Формен ответил не сразу. Только через полминуты с дисплея на Калинова взглянул мрачный брюнет с полотенцем на шее. Волосы его были пострижены, как у большинства космонавтов, ежиком и имели натуральный вид. Серые глаза ничего не выражали.

Похоже, невелик ростом, подумал Калинов. Этаким сморчок занюханный... С ними всегда разговаривать сложно.

– Здравствуйте!

Формен кивнул, снял с шеи полотенце.

– Мое имя Калинов. Мне бы хотелось побеседовать с вами. Дело весьма срочное...

– Я вас не знаю, – поспешно проговорил Формен. – И не представляю, о чем бы мы могли беседовать.

В глазах его мелькнуло нечто, похожее на страх. Впрочем, продолжалось это лишь мгновение. Калинов понял, что Формен сейчас отключится, и сказал:

– Мне бы хотелось поговорить с вами о Стефане Андерсоне и Тасиро Накаяме.

Лицо Формена окаменело.

– Кто вы такой? – спросил он тихо.

Калинов почувствовал, что надо говорить правду, а то этот сморчок занюханный настоится еще больше.

– Я сотрудник отдела аномалий Социологической комиссии, занимаюсь исследованием смерти Андерсона и Накаямы.

Формен чуть ожил, заморгал.

– Я вряд ли буду вам полезен!

– И тем не менее...

Формен молчал, погрузившись в мрачные размышления.

– Я бы убедительно просил... – сказал Калинов.

– Ну хорошо, – ответил наконец Формен. – Я согласен. Жду вас через два часа. В Колумбусе, в баре «Корона».

Наяву Формен оказался совсем другим. Занюханный сморчок превратился в высоченного мужчину, широкоплечего, еле помещающегося за столиком. Рука Калинова просто утонула в его огромной лапе. Вот только потухшие глаза резко контрастировали с внушительной фигурой.

Калинов огляделся. Бар в этот час пустовал. Было занято лишь несколько столиков. За ними сидели пожилые парочки, кланялись друг другу седыми одуванчикоподобными головами. В окна рвалось утреннее солнце: здесь было всего десять часов.

– Так что вы хотели от меня услышать?

– Расскажите об Андерсоне и Накаяме.

Формен оглянулся.

– Почему бы вам не воспользоваться анкетными материалами? – сказал он равнодушно.

– К сожалению, там лишь голая информация.

– А вас, значит, интересует информация, наряженная в праздничные одеяния?

– Меня интересует то, чего нет в анкетах. Что они были за люди? Чем занимались помимо основной работы? С кем водили знакомство?

Формен потер указательным пальцем переносицу.

– Ребята как ребята. Отличные парни. Прекрасные работники. Разумеется, спортсмены... Что еще? Даже не знаю...

Калинов вздохнул: контакта почему-то не получалось.

– Вы были друзьями?

– В общем-то, да, – осторожно сказал Формен. – Мы подружились во время стажировки на «Нахтигале».

– И вам нечего сказать о своих друзьях?

Формен пожал плечами и оглянулся.

– Ну хорошо, – проговорил Калинов. – Тогда поставим вопрос иначе... Не приходилось ли вам замечать какие-либо странности, связанные с вашими друзьями?

Формен помотал головой.

– Может быть, они жаловались когда-нибудь, что кто-то их преследует? Или чего-то от них требуют?

– Мне кажется, вы не там ищите, – сказал Формен и снова оглянулся.

– Вы кого-нибудь боитесь? – быстро спросил Калинов.

Формен посмотрел на него долгим взглядом.

– Я никогда и никого не боялся! – произнес он, четко выговаривая слова. – Вы не там ищите!

– А где, по-вашему, будет – там?

Формен встал из-за стола, проделав это с необычайной для его габаритов стремительностью.

– Наш разговор беспредметен, – сказал он. – Прощайте!

И спокойно двинулся к стеклянным дверям бара.

Калинов еще раз оглядел зал. Никто не проявлял к Формену ни малейшего интереса. Старики были откровенно заняты друг другом. Бармен за стойкой задумчиво протирает стаканы. Калинов снова посмотрел в спину космонавта. Тот шел неторопливо, размеренным шагом, легкомысленно помахивая левой рукой, но Калинова не покидало ощущение, что Формен с величайшим трудом сдерживает себя, чтобы не побежать.

Вернувшись в Петербург, Калинов сразу же направился к Милбери. Тот оказался на месте.

– Где Крылов?

Милбери неопределенно пожал плечами:

– Вчера утром он был в Кочабамбе, в отеле «Пасифик»...

– А теперь?

– Где теперь – не знаю... В полдень Крылов выписался из отеля и исчез в неизвестном направлении.

– Плохо!

Милбери виновато опустил голову:

– Я сам был в Кочабамбе, разговаривал с портье. Никто ничего не знает. Портье сказал, что никто к Крылову не приходил. Я был единственным, кто им интересовался. Сам Крылов всю первую ночь пил.

– Каким он показался портье? Не был ли чем взволнован?

Милбери опять пожал плечами:

– Нет. Постоялец как постоялец. Производил впечатление делового человека. Портье спросил, не нужно ли зарезервировать для него номер. Крылов ответил, что вряд ли еще когда-нибудь окажется в их городе. На этом они и расстались.

– Как Крылов записался при регистрации?

– Под своим именем.

– Странно, – сказал Калинов. – Ну хорошо. Продолжай поиски. Когда найдешь, доложишь. В любое время суток.

– Что-нибудь серьезное?

– Поживем-увидим. – Калинов вышел.

У себя в кабинете он снова попытался связаться с Бойлем. Тот дома по-прежнему не появлялся. И тогда Калинов решил, что стоит все-таки поговорить с О'Коннором.

О'Коннор занимался общественной безопасностью, а непосредственный круг его интересов составляли наркотики: их производство и распространение.

Он оказался на месте. Поздоровались, поинтересовались делами друг друга, пожаловались на текучку. Потом Калинов объяснил, что его интересует.

– Хорошо, – сказал О'Коннор. – Я проверю твоих ребят по нашим каналам. Если какая-то связь с наркотиками у них была, я тебе ее выложу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.